

МИР ДЭВЛАТА

СОН И ПЕШЕЛ

КРОВЬ И ПЛЕН

АЛЕКС
АНЖЕЛО

КРОВЬ
И
ПЛЕН

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А66

Иллюстрации на переплете, форзаце и в тексте
Александры Буториной (Altorina)

Разработка серийного оформления *Екатерины Тинмей*

Дизайн обложки *Александра Андреева*

Анжело, Алекс.

А66 Кровь и Плен / Алекс Анжело. — Москва : Эксмо, 2022. — 512 с. с илл.

ISBN 978-5-04-163447-6

Вернувшись в родную обитель вместе с братом, Сара Сорель узнает от него все больше подробностей своего прошлого. Только она желает вспомнить все сама, чтобы избавиться от сомнений, крепнущих с каждым днем.

Но ложь коварна, истина горька, а времени, чтобы отыскать светлое сердце богини и закрыть портал на материке, остается все меньше.

Монстры в ночи. Пробуждение древней силы. И две противоположности, которые преодолеют этот путь вместе до самого конца.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Анжело А., текст, 2022

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-163447-6

Богиня Эсмира
Светлые даэвы

Сомниумы
(сила сновидений)
Эмпаты
(сила чувств)

Бог Фародей
Теневые даэвы

Мортемы
(сила воплощения)
Скарды
(сила исхода)

Пролог

ЛУНА И ВОРОН

Не боги создали Дэвлат, а сам Дэвлат сотворил богов, чтобы они защищали людской род.

У нашего мира есть своя воля, но обращает он свое внимание лишь на некоторых из нас.

«ЛЕГЕНДЫ ДЭВЛАТА»

БИБЛИОТЕКА АКАДЕМИИ СНОВ

Раз в месяц, в день ярмарки, жизнь кипела в Фатсаре, как ни в одно другое время. Новые прилавки устанавливались всю ночь, а уже ранним утром торговцы спешили занять свои места. Особенно предприимчивые растягивали между домами плакаты с указывающей в верном направлении стрелкой, призывающие купить их товар. «Ром, ром, ром — серебряный, янтарный, черный!» или «Обереги и талисманы! Дешевле не найдете!» — гласили они.

Папа всегда твердил, что от продавцов, пытающихся всучить волшебный товар, не стоит ждать добра. Почти все они шарлатаны и бездельники. Не стоит надеяться, что колдовские предметы окажутся на рынке маленького городка. Даже если это произойдет, стоять они будут баснословно дорого. И их все равно обязательно купят, чтобы перепродать кому-нибудь в столице.

Еще отец настоятельно советовал не заглядывать на улицу, где продают вино. Хотя она всегда манила больше других, ведь все на ней говорило о достатке и чувствовалась витавшая в воздухе магия. Столы и настилы, позволявшие держать товар в тени, были укрыты золотой тканью, отчего бутылки вина, выставлен-

ные на продажу, будто подсвечивались изнутри. Красивые этикетки расписывали вручную. Но простые люди, как и мы, зачастую не рисковали заходить туда из-за постоянных покупателей, что обязательно прибывали на ярмарку.

— Домашнее вино, ввозимое в Фатсар, считается одним из лучших, — сообщил папа, когда я впервые оказалась на рынке. Мне было всего девять, я сидела на передке телеги, болтая ногами, и рассматривала улицу, выложенную брусчаткой, от которой телега тряслась так, что приходилось вцепляться в скамейку. — Поэтому даэвы нередко заезжают на ярмарку, особенно если она оказывается им по пути.

До того дня я ни разу не видела их. Гидеон, сын нашей соседки, говорил, что если обмолвиться с даэвом хоть словом, то на тебя падет проклятие. Твоя душа станет лакомым кусочком для энергии Серого мира, что обязательно сотворит из тебя монстра. И тогда ты станешь темной тварью, чьи алые глаза смогут убивать одним лишь взглядом.

— Чепуха! — возразил отец, когда я рассказала ему о страшилках, гулявших по деревне. — Не верь всему, что говорят, Сара. Люди любят судачить, особенно о том, чего не понимают. У страха глаза велики.

Я серьезно кивнула. Так и знала. Гидеон вечно болтал глупости, пересказывая истории своей мамы.

Папа потрепал меня по волосам.

— Они правда не причинят нам вреда? — на всякий случай уточнила я.

— Нет. Только если ты отнесешься к ним без должного уважения. Тогда они могут разозлиться. Но на такую милую девочку никто не будет держать зла.

— Папа!.. — возмутилась я.

— Думаешь, почему Гидеон за тобой хвостиком ходит?

Я вся покраснелась, насупилась. А отца это только насмешило.

— Только не бей его, — предупредил папа.

Его карие глаза смотрели на меня с любовью, улыбка пряталась в пышной бороде. Он опустил руку, которую я проводила взглядом. Его ладонь с отчетливо видневшимися застарелыми мозолями показалась мне удивительно большой.

— Я не думала...

— Я знаю, что у тебя на уме, дорогая, — прервал отец. — Не надо. Если ты сильнее кого-то, то это повод защищать, а не обижать тех, кто слабее. Гидеон всего лишь мальчишка, и не надо воспринимать все его поступки всерьез.

— Даже если он закидывает окна моей спальни грязью из свинарника? — невинно произнесла я.

— Даже если... — Лицо папы вмиг посуровело: — Подожди-ка, что он делает?

Я повторила.

— Вот же негодник, — покачал головой отец и хитро взглянул на меня. — Нет, ну тогда ты можешь его немного напугать. Немного, Сара. Так, как мы с тобой договаривались. Поняла?

— Да, папа, — ответила я, заговорщицки улыбаясь в ответ.

Наша телега остановилась в одном из ответвлений улицы, на которой велась основная торговля. Прилавки, сколоченные из досок, выглядели не так аккуратно, как те, что стояли в самом сердце ярмарки, и обшарпанные вывески почти не пестрели объявлениями. Роль украшений выполняли цветные флажки, некоторые из которых истерлись и даже порвались и жалко колыхались под порывами слабого ветра.

Я слезла с облучка, жадно вдыхая аромат лаванды, щедро смешавшийся с запахом свежей выпечки. Папа расплатился с важным на вид человеком с отстраненным выражением лица, вытащив из кошелька несколько монет.

Торговые места в этой части города были дешевле, чем на главной улице. Но даже не деньги являлись

основной проблемой — местный управляющий лично определял, кто достоин продавать свой товар там, а кто нет. Мы были недостойны.

С тех пор как чуть больше года назад отец стал брать меня с собой, последняя суббота месяца стала моим любимым днем. Субботняя ярмарка, которую отменяли только на зимнее время.

— Сара! Поможешь мне?

— Да, папа!

Перестав гипнотизировать торговцев сладостями горящим взглядом, я кинулась вытаскивать товар из телеги. Внутри находилось все то, что изготавливали в деревне и добывали в лесу поблизости: сушеные травы, шерсть, пряжа, домашняя утварь и разные изделия из металла, созданные нашим кузнецом.

Большинство жителей никогда не покидали Предфор. Лет десять назад возле поселения проходила крупная дорога, которой перестали пользоваться, когда на картах появился новый маршрут, и поэтому деревня оказалась отрезана от мира. Но люди упорно не желали покинуть насиженные места, отчего научились жить самостоятельно, создавая собственными руками все необходимые в хозяйстве приспособления и лишь иногда довольствуясь товарами из других мест.

Эту непростую ношу — часто находиться в разъездах, снабжая весь Предфор все же необходимыми порой товарами, — взял на себя отец. Правда, мне путешествовать нравилось, а страх жителей деревни перед большим миром казался смешным.

— Бери только легкое, — предупредил отец, беспокоясь скорее не о моем здоровье, а о моральном спокойствии окружающих. Мне недавно исполнилось десять, но папа утверждал, что я сильнее любого сверстника и должна это скрывать.

На вопрос «почему» он отвечал, что я *особенная* и простые люди этого не поймут.

В такие секунды его взгляд тускнел, а потом он заводил странные речи о том, не хотела ли бы я поки-

нуть деревню. Поначалу я лишь отказывалась, не веря, что отец говорил всерьез. Потом же стала злиться, ведь я ни за что не собиралась оставлять его одного.

Когда все товары оказались выложены на прилавок, я вновь осмотрела улицу, где на углу продавали ярко-красные, бликующие в слепящем солнечном свете яблоки в карамели.

Попробовав их в прошлом году, я ужасно расстроилась, когда не отыскала сладость весной. Лишь потом отец рассказал, что их продают только после сбора урожая.

— Можешь пойти погулять. Только далеко не отходи, — действительно произнес папа. — Ты ведь знаешь, куда ходить не следует?

— Да, — рьяно кивнула я, с готовностью перечисляя: — На улицы с вином, оружием, и не уходит дальше прилавков с кожаненными изделиями.

— Молодец, — улыбнулся отец. — И долго не гуляй, иначе я буду беспокоиться. Хорошо?

— Да, — с готовностью откликнулась я.

— Какая нетерпеливая. — Он протянул мне несколько медных монет: — купишь чего-нибудь... Кулон с собой?

Я вытащила медальон из-под воротника рубашки, заправленной в сарафан. Полумесяц покачивался на толстой цепочке. Металл, из которого он был выполнен, немного потемнел — отец намеренно покрыл его каким-то раствором, чтобы он стал непривлекательным для воришек. Но папа говорил, что это украшение дорогое и мне стоит его беречь. И ни за что нельзя потерять.

— Ладно, беги. Но будь осторожной, — поспешно предупредил папа, отвлекаясь, — к нашему прилавку подошел первый покупатель.

Я отвернулась и широким шагом отправилась к выделенным яблокам, которые выглядели как большие алые ягоды на палочках. Купив сразу три штуки и потратив половину выданных монет, я с довольным видом отправилась гулять по рынку.

Зазывали кричали, стараясь привлечь покупателей с кошельком потолще. Последние выделялись из толпы своей комплекцией и видом — ходили словно большие нахохлившись птицы, важно разглядывая все вокруг. Уличные артисты жонглировали, используя в качестве снарядов те же яблоки — красные или зеленые, но без слоя карамели.

Я остановилась, наблюдая, как подлетают вверх фрукты. Но избалованный народ Фатсара проходил мимо — их уже было не удивить обычным жонглированием. А вот девушка, занимавшаяся плетением браслетов из ленточек, собрала вокруг себя немало местных жительниц.

Доедая второе лакомство и как раз проходя мимо темного переулочка, я остановилась, заметив там группу ребят. На вид все были примерно моего возраста.

Толпа мальчишек в тени окружила беловолосую девочку в длинном плаще, что стояла спиной к выходу на оживленную улицу. Самый старший ходил около нее, как ястреб, и улыбался.

Я уже сталкивалась пару раз с этими задирами, которые так и норовили отобрать папины деньги, выданные мне в начале дня. В первый раз у них получилось. Во второй я уже была умнее, не позволив заманить себя вот в такой закуток.

Я внимательно оглядела тесный тупик. Найдя взглядом вдалеке прилавочек отца, возле которого стояла очередь из покупателей, я тяжело вздохнула и крепче сжала деревянную палочку с яблоком в карамели. Отвлекать папу от работы я не собиралась, ведь не так часто бывал такой наплыв людей.

Грустно взглянув на сладость, проверила монетки, спрятанные в широкий пояс сарафана, — в этот раз я подготовилась, пришив на внутреннюю сторону кармашек.

Заходить в темень жутко не хотелось, но и мимо пройти совесть не позволяла. Здоровяк уже тыкал бедную девочку в плечо, пройдя стадию театральной

любезности. А девочка была еще ниже, шуплее меня и наверняка младше.

Я быстро подошла к прилавку неподалеку и, отдав половину своих монет, забрала пакет с пряностью. И лишь потом стремительно направилась на выручку незнакомке.

— Мы же друзья. Тебя должны были научить, что с друзьями следует делиться. Денег у тебя много, почему бы не отдать нам хотя бы половину? — услышала я, нырнув в полутьму.

Отец всегда учил меня, что дурные поступки делают нашу душу меньше. И бездействие тоже отщипывает от нее кусочек. Поэтому у плохих людей от души почти ничего не остается. Богиня света Эсмירה никогда их не примет, зато бог тьмы Фародей с радостью распахнет свои объятия.

— Вы бы работать пошли. На рынке любому дело найдется, — громко произнесла я, наблюдая, как растягиваются в улыбке толстые губы мальчишки при виде меня.

— Снова ты? — Его взгляд устремился к палочке с яблоком в моей руке. Черные глаза заблестели. Он оглянулся на остальных ребят, что теперь собрались у стены дома, усевшись на каменном выступе.

Я тяжело вздохнула, крепясь духом. В первый раз эта свора меня сильно напугала. Вот и теперь, смотря на девочку, что замерла на одном месте словно статуя, я подумала, что она не может шевелиться от страха.

Попробовала бы хоть сбежать, пока я их отвлекаю!

— Хочешь? — Я помахала сладостью перед самым носом мальчишки. — Возьми. А мы уйдем.

Тот выхватил у меня яблоко, но тут же пробурчал, задрав нос, с самым паршиво сыгранным великодушием:

— Можете идти восвояси. Когда поделитесь половиной своих денег.

Его дружки загоготали. Только теперь, видя, как эти ребята вытянулись за последние месяцы, я поняла, что они старше меня на два-три года, не меньше.

— Ладно, — расстроено сказала я, запуская руку в карман сарафана.

Горловина мешочка была развязана и только ждала своего часа. Рука проникла внутрь, стараясь зачерпнуть как можно больше пряности. Почти все, что хранилось внутри.

— Поторопись, — лениво протянул мальчишка и, отвлекшись на незнакомку, вновь пихнул ее в плечо. Похоже, это стало последней каплей.

— Вы настоящие идиоты, — вдруг процедила она угрожающим тоном, и ее голос показался мне неожиданно низким. Но времени задумываться не было. Все внимание задиры обратилось к ней, а я только этого и ждала.

И швырнула порошок в лицо мальчишке. Тот вскрикнул, растирая глаза и делая хуже, а я вцепилась в руку незнакомки:

— Бежим!

Не оборачиваясь, потянула ее за собой. Благо она оказалась сообразительной, и вскоре мы выскочили на главную улицу, несясь прочь под крики и шум погони, которые стихли, стоило нам оказаться в людном месте, заглушенные звуками ярмарки.

Единственной ошибкой стало то, что мы повернули не в сторону прилавка моего отца, а в противоположную. Но и там я знала местечко, в котором можно было затаиться. Все-таки я приезжала в Фатсар не в первый раз.

Мы протиснулись между торговыми местами к окнам ремесленной лавки и свернули вбок. Я отодвинула край тканой вывески, что прятала за собою еще один закуток, заставленный деревянными коробками со склада магазина.

— Фух, — выдохнула я, расслабляясь и отпуская руку девочки. — Здесь они нас не найдут, — заявила, чувствуя себя так, будто совершила настоящий подвиг и спасла едва ли не полмира.

Запрыгивая на коробку и усаживаясь поудобнее, я подняла взгляд.

— Привет, — сказали мне, когда я в ужасе уставилась на объект своих подвигов. Который, между прочим, оказался совсем не бедной девчушкой, а мальчишкой с задорной улыбкой на устах.

Глаза его были цвета тумана, что стелется по утрам во все еще сонном лесу.

— Ты мальчик, — опешила я, смотря на миловидное лицо, в котором уже угадывались мужественные черты.

Он отличался от всех, кого я встречала раньше. Пусть он и выглядел необычно с этими длинными, как у мамы Гидеона, волосами, но, в отличие от моего соседа, был на удивление складно сложен.

— Ты почему не сбежал?! — накинулась я на нового знакомого, рассматривая его плащ. Он плотно запахивался у горла, а полы едва не волочились по земле. — Испугался? — сощурилась с подозрением.

— Нет, конечно, — отмахнулся мальчишка, забираясь на коробку и садясь рядом. — Я наблюдал. Мне было интересно.

— Интересно, побьют ли тебя?

Он рассмеялся. Смех у него оказался звонким. По рукам у меня пошли мурашки. Я нахмурилась — все же он был странным.

— Нет. Я никогда раньше не сталкивался с человеческими детьми. Мне рассказывали, что они слабые и их ни в коем случае нельзя обижать. Но мне всегда было любопытно, какие они вживую, — продолжил он с восторгом. — И поэтому, когда ко мне подошли на рынке и предложили прогуляться, я с радостью согласился.

— Ну ты и глупый! — Теперь уже рассмеялась я, хватаясь за живот и едва не падая с коробки. — Нельзя так доверчиво следовать за незнакомцами!

— Ну, за тобой же я тоже пошел, — возразил он, и его улыбка сделалась очаровательнее, заставляя проступить ямочки. Я засмотрелась.

И вдруг почувствовала, как *моя тайна* проснулась.

Когда это произошло впервые, я гуляла в лесу около речки. Сидела на берегу, вытаскивая красивые камушки из воды, когда неожиданно ясно ощутила чужое присутствие — Гидеон следил за мной из кустов. Отделавшись от прилипалы, я сразу же побежала к отцу. Рассказала о случившемся, видя, как стремительно меняется его лицо: он посмотрел на меня растерянно и с недоверием, а потом сказал, что, если подобное повторится вновь, я должна хранить это в секрете ото всех. Ведь это моя тайна.

— Я это я. За мной можно, — негромко произнесла я, важно поднимая подбородок.

— Ну и они всего лишь человеческие дети... — небрежно заявил мальчишка и нахмурился: — Что с тобой? Ты в лице переменялась.

— Все хорошо, — упрямо ответила я, вытаскивая кулон из-под рубашки сарафана и зажимая его в руке. Нагретый металл лег на похолодевшую ладонь. Я глубоко вдохнула, ощущая, как то, что дремало внутри меня, вновь собралось заснуть.

— Можно посмотреть? — спросили у меня.

— Конечно, — с готовностью отозвалась я, хотя еще никому, кроме отца, не позволяла касаться кулона. Мальчишка мне правда нравился, он вызывал неведомое доселе доверие. И мгновение назад я убедилась, что он испытывал схожие эмоции.

Я сняла кулон с шеи. Цепочка тонкой змейкой лежала в ладони. Передав ее мальчишке, я в предвкушении замерла. Когда мама Гидеона случайно увидела кулон — я выпальывала грядку морковки, и цепочка просто выскользнула из-под рубашки, — то очень навязчиво интересовалась, откуда тот у меня взялся.

— Откуда он у тебя? — удивился мальчик.

— Отец подарил. Красивый, да? — довольно сказала я, болтая ногами.

— Любопытный. Символы древние. Но значение мне неизвестно, — серьезным тоном сообщил он.

— Древние? Как ты это понял?

— Меня отец обучает.

— А кто твой отец... — спросила было я, как вдруг насторожилась, услышав знакомые голоса.

Как они нас нашли?

Я быстро оглядела проулок, который, как и прежний, заканчивался тупиком. Решетка, парочка гнилых деревяшек, валявшихся на каменной брусчатке, и несколько водосточков, что уходили под землю и вели к реке. Больше вокруг ничего не было. Куда прятаться, оставалось загадкой.

— Я видел однажды, как она шмыгнула под эту вывеску. Они и сейчас точно спрячутся там, — раздалось совсем близко.

Я уже с решительностью сомкнула губы и сжала кулаки, готовая сражаться.

— Сюда, — вдруг прошипели сверху. Задрав голову, я увидела мальчишку. Он перегнулся через край крыши, упираясь коленями в бордюр. Его голова озарялась солнечным светом, точно нимбом, как на картинах с портретами святых у нас дома. — Давай, я помогу.

Он склонился над самым краем. Я улыбнулась, забираясь на пару коробок выше. Прямо в стенной кладке торчал кирпич. Используя его как опору, я подпрыгнула, собираясь ухватиться за протянутую руку.

«Он меня не выдержит! Я упаду!» — запоздало подумала я. Доверие ослепило меня. Как мальчишка ниже ростом поможет мне подняться? Это невозможно.

Но когда моя рука оказалась в его, все сомнения развеялись.

— Поймал! — с радостью заявил он, натужно улыбаясь.

Я улыбнулась было в ответ, но тут же принялась возмущенно отплевываться — его собранные в хвост волосы, свесившись через плечо, упали на мое лицо и попали прямо в рот.

Он потянул на себя, и вскоре мы вдвоем рухнули на нагретую крышу. Благо осеннее солнце не раскаляло черепицу, как в летние месяцы.

Мы притихли, глядя сначала в небо, а потом друг на друга, даваясь смехом. Внизу, как муравьи, копошились хулиганы. Они разобрали все коробки, считая, что мы спрятались где-то под ними. Мы едва не выдали себя хохотом, когда из черного хода лавки выскочил работник, ругая задир на чем свет стоит и заставляя обратно укладывать ящики так, как они стояли.

В этот миг я подумала, что это один из самых веселых дней в моей жизни. А незнакомый мальчишка, которого я видела впервые, за какой-то ничтожный час стал понимающим другом, которым я так и не обзавелась дома.

«Вот бы он приехал ко мне в Предфор», — мелькнула отчаянная мысль. Но я была уже достаточно взрослой, чтобы не понимать, что этого никогда не произойдет. А еще я знала, что сегодня мы видимся с ним в первый и последний раз.

Стало грустно и одиноко.

— Отстриги их. Зачем мальчишке такие длинные волосы? Тебя засмеют, — с неожиданно вспыхнувшей злостью произнесла я, садясь на крышу и обнимая колени, когда шум внизу затих.

Я соврала. Как раз потому, что они мне, наоборот, безумно нравились.

— Верни мне мой кулон, — требовательно протянула руку я, не смотря на сидящего рядом. И удивилась, позорно шмыгнув носом: — Что ты делаешь?

Мальчишка возился, развязывая тугой шнурок плаща. Совсем скоро в его ладони легла подвеска — ворон с распростертыми крыльями и острым клювом. Птица была гораздо массивнее тонкого полумесяца, зажатого в его руке, но размер звеньев в цепочках оказался одинаковым, и различались они только цветом металла.

Он повернулся спиной, копошась, а когда вновь очутился ко мне лицом, то с самым довольным видом сжимал две подвески, теперь поменявшиеся цепочками. Ворону — светлая, луне — темная.

— Держи, — лишь теперь вернул он мне украшение. — Это мелочь, но пусть напоминает обо мне и об этом дне.

Я забрала кулон, зажимая новую цепочку меж пальцев. Сердце гулко стучало.

— Спасибо, — пробормотала я, представляя, как через много лет, когда уже вырасту, буду вспоминать об этой случайной встрече. Всего лишь цепочка, но она стала чем-то большим... Она стала символом.

Прощались мы спешно — нас уже потеряли родители. Я слышала зов отца, что доносился с другой стороны улицы и практически тонул в гомоне ярмарки. Стоял разгар дня, и торговля процветала. Толпы людей,двигающиеся по улицам, уносили за собой, словно течением реки. Стоило только разойтись, и, оглянувшись, я увидела лишь незнакомые лица.

Я запомнила яркое солнце того дня, облака, невесомые и полупрозрачные, лишь легкой дымкой порой прикрывавшие светило, аромат душистых яблок, корицы и лаванды. Запомнила, как ругал меня переживавший отец, а остыв, потом так же заливисто смеялся, когда я рассказала ему приключившуюся историю. Но вот как выглядел тот мальчишка, вскоре забыла. Он просто остался светлым воспоминанием, которое сохранилось со мной навсегда.

СОРОЛ

*Да услышат наши молитвы,
Вернет Святая Сара плоть и кровь,
Сотрясет мир великая битва,
И изгибнет Черный Змей
В ее объятиях вновь...*

ОТРЫВОК ИЗ БАЛЛАДЫ
«ВЕЛИКОЕ СПАСЕНИЕ»

На первый взгляд Сорол почти не изменился, разве что чуть разросся — деревянные домики беспорядочно выстроились дальше по течению одноименной реки. Многие крыши, покрытые красной глиняной черепицей, были оплетены цветущим вьюнком, в воздухе царил обычная для здешних мест влажность.

У каждого дома, под самым козырьком, висел пучок лаванды, а над окнами внутри жилищ часто виднелись ловцы снов, которые были так популярны в Исонии, где люди верили, что они сдерживают дурные сны.

Я шла по знакомым улицам, будто оцепенев изнутри. Разглядывая часто попадающиеся рисунки на стенах, где от девичьего лика, начертанного белилами, расходились, подобно солнечным лучам, линии. Последние порой заменяли бабочки, что облаком взвивались к ее голове и окружали, создавая подобие венка. Но сильнее всего меня потрясло высокое засохшее дерево с мощным стволом, ветви которого в мое время едва проглядывались из-за густой листвы. Теперь оно стало памятником, и на коре его вырезали имена погибших. Имен было не так много — пара десятков, но для города, соседствующего со светлой обителью Сорель, и этого оказалось достаточно, чтобы понять, насколько выросло влияние тьмы на землях Исонии за прошедшие годы.

Лишь немного придя в себя, я присела на ступеньку какого-то незнакомого питейного заведения, закрытого в дневное время суток.

Сорол всегда отличался буйством красок и общительным нравом жителей, даже разговаривали они, казалось, громче, чем люди в иных местах. Вот и теперь я слышала, как на другом конце улицы переговаривались две жительницы, крича друг другу из окон домов. А неподалеку бегали дети, пытаясь догнать мячик, скачущий по брусчатке и уносящийся вниз по дороге.

Я совсем потеряла счет дням...

Казалось, я пробыла в Акраксе не меньше месяца, а дома не появлялась еще дольше.

Поднявшись на ноги и поправив накиннутый на голову капюшон, я побрела на звуки торговой улицы. Я обещала Фредерику, который ожидал меня у въезда в город, что вскоре вернусь. Мне надо было побыть в одиночестве, наедине со своими мыслями. Собраться и все обдумать.

Подойдя к прилавкам, я почувствовала какую-то ностальгию при виде яблок в карамели, рука непроизвольно потянулась к карману плаща, вытаскивая позолоченные монеты.

— Одну, пожалуйста.

— Что вы, госпожа. Возьмите. Возьмите просто так, — в благоговении застыла торговка, сразу распознав во мне даэва. — Не надо денег.

Я посмотрела на ее одежду — местами потрепанную, на длинной юбке даже имелась заплатка. Рынок будто утратил свой привычный жизненный ритм — притих, повисла настороженность.

— Так не пойдет. — Забирая лакомство, я положила монету на бочку, из которой и был сооружен маленький прилавок.

Отошла, сжимая попку. Есть не хотелось, но я не смогла пройти мимо. Всегда на подобных рынках ноги сами вели меня к прилавкам с уличной едой. Айвен

смеялась над этой привычкой, ведь, купив, я так и не съедала лакомство, а просто носила с собой. Не могла притронуться, словно что-то останавливало меня. Наверное, воспоминания об отце были тому виной.

Наткнувшись взглядом на лавку с широкими распахнутыми окнами, я замерла, инстинктивно поправляя белую полупрозрачную ткань, сложенную в два слоя и закрывающую лицо. Одного капюшона было мало, чтобы полностью скрыть облик.

Это оказался магазин художника, на стенах которого в ряд висели картины, а под ними стояли полки с менее качественными репродукциями. Если бы я не увидела подпись, то себя бы и не узнала. У девушки на всех изображениях было разное выражение лица. То она выглядела мрачно и пугающе, то тепло улыбалась, то застывала в крике. Все эти метаморфозы напрочь убивали схожесть со мной.

Коллекция Люция явно собиралась с особой тщательностью, ведь на большинстве работ я смогла узнать себя.

Но здесь...

Я отвлеклась, едва не вздрогнув, когда маленькая черная птица приземлилась на плечо. Она посмотрела в сторону, куда был устремлен мой взор, и нахохлилась, подпрыгивая на одном месте, а потом словно оцепенела, превратившись во внимательного слушателя.

— Госпожа! — Хозяин лавки, юркий худой мужичок, подскочил, отвешивая поклон до земли. — Что привело вас?

Он отступил на шаг, опустив голову и глядя себе под ноги.

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Нет. Я просто прогуливаюсь, не обращайтесь на меня внимания, — произнесла я. В прежние годы давы были столь привычным явлением в Сороле, что никого не волновали. Из-за близости обители Сорель местные жители не опасались нас и не так сильно страшились нашей магии.

Но все изменилось... Как меняется направление ветра с теплого южного на ледящий северный.

— Может, вы желаете купить обереги? — показал он на портреты, развешенные на стенах помещения по ту сторону окна. — Есть защищающие от скверны, но вас это, наверное, мало интересует. Может, отгоняющие дурные сны? Самоотверженная Сара избавит вас от кошмаров.

— Она даже себя от них избавить не могла... — Наличие такого талисмана вызвало лишь больше недоверия.

— Вы были с ней знакомы? — Лицо хозяина просветлело, он поднял голову, во все глаза смотря на меня, в его голосе звучала надежда. Его совсем не волновало мое замечание.

— Немного, — с неохотой выдавила я. Это же не называть ложью, верно? Ведь я и есть Сара. Хотя вполне возможно быть не знакомой с самой собой. Не знать саму себя — совсем не редкое явление...

Я запуталась в собственных мыслях.

— Я видел ее издали однажды, много лет назад, когда был еще мальчишкой. И что удивительно... — Мужчина тихо рассмеялся, растеряв всю свою настороженность и расслабившись. — Она, прямо как и вы, держала в руке палочку с яблоком! — Заметив, что я не разделаю его веселья, продавец подобрался и добавил: — Раз вам не нужен оберег, отгоняющий дурные сны, то возьмите амулет на счастье.

Мужчина запустил руку в карман пиджака, вытаскивая связку тонких золотых нитей, что были нарезаны на равные кусочки. Отделив одну, протянул мне:

— Повяжите на эфес своего оружия, и судьба будет вам благоволять. Символизирует волос удачи. Очень сильный оберег. Не пожалеете. — Владелец лавки склонился ко мне, едва слышно прошептав: — Извините меня за наглость, но сам Проклятый Черный Змей в это когда-то верил. Говорят, в наше время талисман обратился против него и теперь он не рискует

подойти к тем, кто использует его. — Заглянув в мои потемневшие глаза, он отпрянул: — Что с вами? Я сказал что-то неправильное?

— Нет. Все хорошо. Я просто... кхм... удивилась, — не сразу нашла я подходящее слово. Поразительно, что даже та нелепая история оказалась в народе.

Мужчина растерянно стоял, так и сжимая в руках нити. Вид у него был перепуганный. Он боялся, что разозлил меня.

Я нахмурилась. Пусть город мало изменился, но люди стали иными.

— Пожалуй, возьму один, — чтобы хоть как-то подбодрить хозяина заведения, произнесла я. Лицо его прояснилось, он протянул мне нить и выжидательно уставился на меня. — После повяжу, — пообещала я, помня предупреждение Фредерика о моем мече.

Пусть людей, помнящих меня в лицо, осталось мало, а портреты зачастую не походили на оригинал, но вот Туманный с выгравированными на эфесе лозами и виноградными листьями изображали весьма точно, как и медальон, оставшийся мне от отца. Украшение вообще стало загадкой — тех, кто его видел и до сих пор был жив, я могла пересчитать по пальцам одной руки. Вступив в орден, я всегда носила его под одеждой, а если и доставала, то только в кругу близких. В кругу, который исчислялся моим братом, Айвен и Долорес, бабушкой Фредерика.

Но если даже та глупая история с волосом стала всеобщим достоянием... С какой же тщательностью люди собирали эти рассказы? Здесь не обошлось без влияния даэвов. Кто-то помогал расти вере в Самоотверженную Сару, раз за разом подпитывая ее новыми подробностями.

Эта вера не появилась сама собой. И я не могла решить, что именно не понравилось мне больше: сам факт ее существования или то, что светлые стражи приложили к этому руку.

Кое-как вручив торговцу деньги, я собралась уйти, когда мужчина восхитился:

— Эта птичка привязалась к вам. Как необычно!

— Она за мной следит, — призналась я, а мужчина улыбнулся, приняв это за шутку.

Но я-то знала, о чем говорила: с тех пор как птица села на мое плечо, кольцо Морана холодило кожу, как и само теневое существо, выглядевшее настолько реально, что никто из простых людей не мог распознать его сути.

И украшение, и птица были неразрывно связаны одной и той же силой. Силой, что принадлежала диву. И не зря меня не покидало ощущение чужой магии, даже когда я оказалась в Тронге. Пусть я оставила крепость Северного ордена позади, но частица Люция последовала за мной и никак не желала исчезать, ведь перстень не снимался. Лишь прокручивался на пальце и даже после настойчивых попыток убрать его с руки втягивался в палец, оставаясь на коже тонкой темной полосой.

Но Люций никак не мог оказаться в Сороле — когда я сбежала, нас разделяло слишком большое расстояние, которое должно было лишь увеличиться, учитывая ту спешку, с которой мы путешествовали все это время. По всему выходило, что Моран все еще находился где-то далеко, но вот его теневая сила, благодаря реликвии, смогла разыскать меня даже в Третьем королевстве.

Если только в его распоряжении не оказалась магия, подобная той, которую использовали мы с Фредериком. Но эта печать древняя и редкая, поэтому я сомневалась, что в мире существовала вторая подобная. Семья Сорель очень тщательно охраняла свое сокровище, и если бы не брат, даже я бы о ней не узнала.

Подобное колдовство отнимало огромное количество сил, так что еще пару дней магические знаки выходили донельзя слабыми, а в теле поселялось бессилие. Не шло и речи, чтобы сотворить две подряд.

Правда, почему-то в этот раз все было иначе — никаких побочных эффектов.

Но лишь для меня...

Фредерика колдовство подкосило. Все эти дни в пути ему было тяжело держаться в седле. Пусть он это явно не показывал, но я-то все замечала. Поэтому без лишних разговоров, когда мы оказались на землях Исонии, согласилась пересесть в экипаж, хотя с большим желанием продолжила бы ехать верхом. Но мы уже оказались достаточно далеко от Акракса, чтобы не переживать о погоне.

Перед тем как отправиться следом, Морану предстояло вернуться из Кервеля, окруженного Мертвым лесом. Майя не умела ездить на лошади, это тоже наверняка замедлило их путь, если, конечно, Люций не бросил их и не отправился дальше в одиночку.

Я нахмурилась, чувствуя угрызения совести, как и каждый раз, когда вспоминала о Майе. Вернувшись в свое тело, я еще некоторое время ощущала эмоции девушки — она перепугалась из-за неожиданного перемещения. Но достаточно быстро успокоилась, хотя ее чувства еще долго пребывали в сумятице, словно подхваченные ураганом.

Смятение, растерянность, легкий страх и неумное любопытство.

Я плохо управлялась с новым даром, следовало возвращать его постепенно, как я уже делала когда-то. Поэтому, отвлекшись, я очень быстро потеряла связь между нами и не смогла отыскать ее заново.

В отличие от меня Люций мог использовать маяк — перстень на моем пальце, что позволил силе воплощения отыскать меня даже на таком огромном расстоянии. Но до этих пор, пока я была не одна, див ничем не выдавал себя. Открылся лишь теперь, когда появилась возможность. Намеренно напомнил о себе. Хотя я и не забывала о нем. Уверена, что и это не было для него секретом.

«Никому из них не верь...»

Каждый раз, разговаривая с Фредериком, я словно наяву слышала последние слова Морана. Порою они звучали точно строчка из песни, а в другое время были подобны шепоту на задворках сознания.

Я бы соврала самой себе, если бы не признала, что на душе стало спокойнее, когда я увидела тенью птицу. Она напоминала, что я никогда не была одна. Хотя привязанность Люция ко мне вызывала вопросы. И еще большей загадкой было то, что я стала ощущать нечто подобное и к нему.

Но, не покинув северные земли, я бы не смогла во всем разобраться. И я скучала по родным. По дому, где провела юность и который хранил воспоминания о Долорес, вырастившей меня. Лишь там я могла отыскать все ответы.

— Так ты ожидал моего побега... — прошептала я негромко, обращаясь к птице на своем плече.

«Если желаешь уйти, уходи. Я могу подождать еще...» — вновь вспомнила я наше прощание. Это воспоминание заставило смутиться, и взгляд мой заметался по витринам магазинов в поисках того, на что можно отвлечься.

И я нашла. Остановилась у лавки портнихи, где за широким окном на натянутых веревках висели длинные отрезки ткани. Напротив же находились готовые изделия — в основном повседневная одежда, что-то понаряднее обычно шили на заказ. Мантии даэвов же всегда изготавливали в столице, порою даже в королевском дворце, хотя это всегда зависело от благосклонности нынешнего правителя.

Я вошла внутрь. Под ногами скрипнули половицы. Из окна под потолком лился свет, которого хватало, чтобы швеи занимались своим делом. Сами работницы сидели за длинным, занимающим половину помещения столом, на котором покоилось полуготовое изделие.

Одна женщина — самая взрослая — отложила работу и быстро подошла ко мне, шурша юбкой. Попривет-

ствовав, спросила, чем может помочь. Все это время она косилась то на меня, то на птицу на плече, что и не думала покидать своего места.

— Вы шьете перчатки? Меня интересует готовый товар, — спросила я, ни на что не надеясь. Перчатки носили разве что аристократы. А в Сороле только управляющая семья принадлежала к высшему сословию.

Женщина задумалась, разглаживая незаметные складки на юбке. Ее сотрудницы, на время прекратив работу, вытянули шеи, наблюдая за происходящим. В лавке воцарилась звенящая тишина.

Но, заметив мой взгляд, женщины стремительно вернулись к шитью. А лицо главной портнихи вдруг оживилось, на нем отразилось нетерпение и возмущенность. Она кинулась к стеллажам, где хранились темно-серые коробки разных размеров. Длина нескольких достигала половины человеческого роста, а другие были едва больше раскрытой ладони.

Она некоторое время копошилась, перекладывая их, пока не достала одну, уже успевшую запылиться. Сдувая пыль, кинулась ко мне и, открыв крышку, положила изделие тонкой работы на стол.

Я смотрела на перчатки, испытывая смешанные чувства. Сшиты они были аккуратно — длинные, почти до локтя, но из неплотной дышащей ткани, так что в них не должно было быть жарко. Взяв их в руки, я внимательнее их разглядела. На одной из перчаток с внешней стороны начиналась вышивка серебряной нитью — миниатюрные виноградные листья вились по направлению к запястью и оплетали его.

Они выглядели так, точно шились в пару к Туманному. Очередная случайность.

— Белых у вас нет? — спросила, и так зная ответ.

— К сожалению, нет. Остались только такие, серые, — ответила женщина растерянно. Было везением уже то, что у них отыскалась хоть одна пара. Но серые?..

Как и вышитые виноградные листья, оттенок ткани нес в себе особый смысл. Бытие словно говорило мне: «Привыкай и смирись. Теперь света и тьмы в тебе ровно поровну».

— Хорошо, — вздохнула. — Я возьму их. Не заворачивайте.

Расплатившись, я сразу же надела перчатки, на время передав карамельное лакомство портнихе, и лишь потом покинула лавку. Кольцо теневого дива спряталось под материей.

Когда я оказалась в своем теле, вернулась проблема прикосновений. Как когда-то мне тяжело было отгородиться от чужих эмоций, так теперь моя душа так и норовила упорхнуть, поменявшись местами с новой жертвой.

И менее всего на свете меня прельщала перспектива оказаться в мужском обличье. Но в то же время в голове не раз промелькнула мысль: как быстро кто-нибудь распознает обман?

— Я возвращаюсь к карете. И тебе лучше не показываться им на глаза. В отличие от простых людей они сразу поймут, *что* ты такое, — произнесла я.

Птица некоторое время упрямо сидела на моем плече и вспорхнула, лишь когда на другом конце улицы показалась карета. Точно призрак. В какой-то степени она им и была.

Я проводила взглядом черную точку, что стремительно исчезала в небе, и направилась к экипажу, окруженному несколькими даэвами на лошадях. Эскорт, которому мог бы позавидовать даже король Исонии.

Светлые даэвы. Воины, защищающие мир. В детстве я считала их героями, а потом сама стала одной из них.

Но остались ли они героями? Это вопрос.

Дверца кареты отворилась, а я, скидывая капюшон, зашла внутрь.

Внутри на бархатных подушках глубокого синего цвета сидел див в белом. Фредерик отнял ладонь, ко-

торой задумчиво подпирал подбородок, и взглянул на меня. Проницательные глаза цвета корицы будто постоянно искали что-то во мне. Но, к лучшему или нет, пока не находили.

Каждый раз, когда я смотрела в его лицо, что стало старше, мое сердце тяжелело. Я постоянно подмечала изменения в мужественных чертах — возраст отточил его красоту. Глаза, губы, скулы... А из-под ворота его мантии выглядывал краешек звезды — видимо, на ключицах уже не оставалось места, и знаки отличия теснились к шее.

Фредерик проследил за моим взглядом. Улыбнулся, когда заметил, что я вновь, как в былые времена, прихватила сладость с рынка. Спросил:

— Ты в порядке?

— В порядке, — отозвалась я, перед тем как сесть напротив, по старой привычке передавая яблоки брату. Осеклась, вспомнив, что передо мной глава светлого ордена, а вовсе не тот молодой парень, которым он был раньше. Но прежде чем я убрала руку, див принял случайный подарок. — Спасибо за остановку. Мне было это нужно.

Он понимающе кивнул, а я вспомнила, как мы бродили по лесу еще подростками. И что именно Фредерик первый показал мне, как правильно держать меч. Долорес, его бабушка, уже тогда была слишком слаба, чтобы обучать меня бою.

«Как я могу в нем сомневаться?» — в который раз спросила я себя, чувствуя угрызения совести. Но в то же время отделаться от сомнений не могла, да и не собиралась. Пока не пойму, что на самом деле произошло двадцать семь лет назад.

Нет ничего глупее на свете, чем из-за трусости закрывать глаза, предпочитая правде слепоту.

Экипаж тронулся с места, а я непроизвольно достала из-под одежды кулон.

Полумесяц загадочно сверкнул. Косой луч солнца, проникший в экипаж между шторок занавешенного

окна, заставлял серебро сиять, тогда как на цепочке, наоборот, не появлялось ни одного блика.

Зажав украшение меж пальцев, я задумчиво рассматривала его. Мой взгляд постоянно перетекал к худым изящным запястьям, что каждый раз напоминали — я вернулась. Вернулась в свое тело.

— Не волнуйся, — произнес Фредерик.

Он заметно расслабился с тех пор, когда мы пересекли границу с Феросией и Исонией.

— Я не волнуюсь, — ответила я, и не соврала, хотя это уже перестало быть редкостью. Скорее, я была напряжена. Прошло почти три десятка лет.

И больше всего меня настораживало то, как сильно порою брат напоминал своего отца. Тон голоса, которым он разговаривал с остальными... Беспристрастный, жесткий, немного высокомерный. Я всегда считала, что он станет иным главой. Хотя все еще мало видела, чтобы судить.

Но со мной он обращался совершенно иначе. Его взгляд теплел, навевая старые воспоминания. И тогда все сомнения казались глупостями.

Фредерик пригладил золотые локоны, отодвинул край занавески и сложил руки на груди, пряча ладони в широких рукавах мантии. Его лицо стало серьезным.

— Мне жаль, что все так произошло. Если бы я с самого начала знал, что ты жива... — в который раз заговорил он, будто коря себя.

— Фредерик, мы уже говорили об этом. Зачем вновь себя мучить? — почти прошептала я, вспоминая его речи в гостинице в Тронге.

На самом деле за эти дни выдалось мало времени для разговоров, мы либо гнали лошадей, либо рядом постоянно был кто-то посторонний. До тех пор пока мы оставались на вражеских землях, даэвы охраняли главу ордена, не отходя от него ни на шаг.

Я отпустила кулон, ощущая, как кольнуло холодом кольцо на пальце. Оно холодело всегда, когда Фреде-

рик говорил. Будто выражая презрение своего настоящего хозяина.

— У тебя появились жена и дети? — вдруг спросила я.

Фредерик сглотнул и, выдохнув, сухо подтвердил:

— Да.

— Что-то не так? — Его реакция показалась мне странной.

— Да нет. Все хорошо, Сара. Просто есть более важные вещи, о которых нам стоило бы поговорить.

— Возможно. Но и о своей племяннице или племяннике я бы тоже хотела знать.

Учась в Академии, я не задумывалась о времени, когда у Фредерика появится семья. Но не успела оглянуться, и это произошло, как и многое другое.

— Ты скоро увидишь их своими глазами. У меня сын и дочь. Мне и рассказывать не придется... Ты купила в городе перчатки? — Он посмотрел на мои руки. — Ты не нуждалась в них с самого детства.

— Верно, — согласилась я, позволив сменить тему. — Но кое-что изменилось. Мой дар стал иным.

— Да, Сезар рассказывал о том, что ты была в чужом теле. Я сначала не поверил. Но это Сезар. Он бы не повел себя легкомысленно ни в чем, что касается тебя. — Голос Фредерика прозвучал серьезно, немного отстраненно и небрежно. — Значит, это благодаря твоей силе вы поменялись местами? Она так изменилась?

Я перевела взгляд на свои ладони и вновь подняла на брата.

— Не знаю. Пока я ничего не понимаю. Но собираюсь с этим разобраться, — соврала я, стараясь говорить предельно твердо, как раньше. — Но эмоций у меня стало гораздо больше, теперь дар не отнимает их так, как прежде. По крайней мере, не отнимает так много.

— Ты этим недовольна? — проявил Фредерик пронырливость.

— В некоей степени. Без эмоций проще... Легче принимать решения. То, что было у меня раньше, не имело столько оттенков.

«Без чувств легче жить...» — по привычке добавила про себя.

— Почему мне поклоняются? — спросила я, внимательно изучая лицо брата.

Фредерик вздохнул:

— Нам нужен был кто-то, чтобы оправдать случившееся. Новый раскол — это трагедия. Люди жаждали красивой истории, а не жалкого оправдания, что один из нас просто сошел с ума.

— Сошел с ума? — повторила я за ним. — Люций не показался мне сумасшедшим.

— Ты его совсем не знаешь, Сара. Не стоит верить тому, кто три десятка лет упражнялся во лжи и пытался посеять смуту в королевствах. Благодаря ему настоящий король Акракса мертв, а самозванец, что потакает его прихотям, сидит на троне, — жестко произнес Фредерик. Его скулы напряглись, праведный гнев запылал в глазах. Но див быстро взял себя в руки. — Когда вы нашли кристаллы, то никто сразу и не понял, что они из себя представляют. Прошло несколько месяцев, прежде чем появились первые догадки.

— Сердца богов.

— Верно, — кивнул он со странным выражением лица. — Ты помнишь?

— Нет. Люций Моран рассказал мне об этом.

Имя, произнесенное вслух, заставило Фредерика вновь напрячься. Но лишь его застывшая на миг фигура стала тому свидетельством. За прошедшие годы мой брат слишком хорошо научился держать себя в руках.

— Значит, он рассказал и о том, что его орден собирался напасть на наш?

Слова Фредерика прозвучали слишком невероятно. Пусть светлые и теньевые не жили в полном согласии, но точно не нападали друг на друга. По крайней мере, еще никогда в истории два крупнейших ордена не начинали войну.

— Отец был в гневе. Наши воины встретились на месте, где ныне существует портал. Мы победили. Но

под конец битвы появился Люций Моран — увидев, что стало с его орденом, он переступил грань и открыл портал. Находясь в объятьях тьмы, Моран не пожалел никого.

Он замолчал, тяжело взирая на меня. Ожидая реакции. Ожидая хоть чего-то, кроме равнодушия.

— Что с твоей рукой? — Его взгляд коснулся моей ладони, которую я инстинктивно сжала в кулак, прижимая к коленям.

— Ничего. Просто ломит, — ответила, борясь с холодом кольца, которое будто задумало лишить меня пальца. Стоило сказать, и мороз отступил, а я глубоко вдохнула.

Подарок Морана имел еще одну примечательную особенность, которую я обнаружила далеко не сразу. Поначалу меня удивило отсутствие вопросов от брата, ведь кольцо было темным, и любому даэву потребовался бы лишь взгляд, чтобы это понять. Но когда Фредерик случайно застал меня за попыткой избавиться от кольца, я наконец-то все поняла — он не видел магический перстень на моем пальце.

— Как тогда? — красноречиво произнес он, напоминая о моем нелепом оправдании.

От надобности отвечать меня избавил негромкий скрип — отворяли главные ворота. И стоило экипажу сдвинуться с места и проехать чуть вперед, как зазвонил колокол. Звон прозвучал словно гром среди ясного неба.

Фредерик озадаченно нахмурился.

Один колокол затих, и на смену ему пришел другой. Я прикрыла глаза, сохраняя видимую невозмутимость. Я лишь недавно вспомнила про магические колокола, развешенные по всей обители, — они звенели, когда вблизи появлялась темная магия. Будь то монстр, артефакт, теневой див или та, кем я стала теперь, — не важно. Они реагировали даже на крупницы несветлой магии.

Снаружи послышался шум.

— Почему они звенят? — прямо спросил брат, догадываясь, что причина как-то связана со мной. — Ты что-то взяла с собой из Северного ордена?

Пусть сказано было невозмутимо, но в его тоне мне все равно послышалось подозрение. Будто он сомневался. Сомневался во мне.

Это расстраивало.

Я инстинктивно прикоснулась к ножнам, в которых покоился Туманный, набираясь спокойствия, следуя своей привычке, ставшей ритуалом.

— Они реагируют на меня, — призналась я, не поднимая взора. — На магию тьмы, что заключена во мне.

Полуправда — почти что ложь. Но о наличии кольца, которое тоже было одной из причин тревоги в Светлой обители, я решила умолчать. Настороженность не позволяла мне полностью довериться даже своим. Лишь когда избавлюсь от сомнений...

— Магия тьмы? — Голос Фредерика прозвучал низко. Было слышно, как он шумно и напряженно втянул воздух через нос.

— Да. Из-за того, что я упала в раскол, — пояснила я, так и не желая видеть лица брата.

Тень теперь стала частью меня, а светлые, так гордящиеся своим происхождением, вряд ли примут это. Их ожившая святая отнюдь не так непорочна.

подавшись вперед, я отодвинула шторку из ткани цвета индиго, увидев белые стены и купола, усеивающие обитель Сорель. Свет закатного солнца золотом обволакивал камень, играя песочными оттенками с примесью легкой розовизны цветков яблони, распускающихся по весне.

Все вокруг напоминало мне о прошлом. О годах, проведенных в этих стенах, и о Долорес, тратившей так много времени на мое обучение. Она умерла, а я пропала на четверть века, но до сих пор жалела, что не успела на погребальный ритуал.

«Я...» — попыталась вспомнить, ухватившись за чувство горечи, всколыхнувшееся в сердце.

Виски заломило. Я прикрыла веки, терпя эту боль.

«Я не успела?» — подумала неуверенно, ведь те воспоминания, как и многие другие, оставались в тени.

Картины прошлого неожиданно предстали перед глазами. Они буйным потоком увлекли за собой во вновь начавшую рассеиваться тьму...

II

ПЕРВАЯ ОХОТА

*Даэвы слишком любят вино, невозможно
найти напиток, что прельщает нас сильнее
его.*

«Из записей исчезнувшего ордена Хранителей»
Библиотека города Турис

Академия Снов,
тридцать один год назад...

Сара

— Луна такая яркая сегодня... Ты видишь темные пятна? — спросил Люций, сидя у открытого окна и смотря в небо. — Говорят, если сила теневых даэвов была столь велика, что не нашла после их смерти мира на землях Дэвлата, она уносится выше и находит пристанище на ночном светиле.

Договорив, он взглянул на мое лицо. Листая книгу, я старалась не обращать на него внимания, но все равно отвлеклась, когда див посмотрел на меня.

— Чушь, согласен. Но занимательная чушь.

Воцарилась тишина. Я вздохнула, вновь читая одно и то же предложение по третьему кругу.

Моран налил себе вина, бутылку с которым стащил с праздника Наступления Весны. Огни на башнях Академии Снов потухли совсем недавно, наконец-то рассеяв магическое зарево над лесом. Праздник Наступления Весны всегда отмечался с размахом, ведь ночь с каждым днем становилась короче, а день длиннее. У нечисти оставалось меньше времени, чтобы выйти на охоту и полакомиться людской плотью.

Лето — это жизнь, а зима несет смерть. Это правило прочно укоренилось на землях континента.

— Будешь? — предложил див, вновь обернувшись ко мне и потрясая своим стаканом. — Нет? Ну и зря.

Сладкий аромат вишни заполнил всю комнату, напроочь вытесняя аромат мяты, словно что-то ненужное. Растение росло прямо под окном. И лишь пару недель назад посаженные мною семена дали всходы. А теперь я размышляла о том, не потоптал ли их Люций, забираясь ко мне в спальню.

— Но знаешь...

— Люций, что ты здесь вообще делаешь? — не выдержав, процедила я.

Захлопнула фолиант, уставившись на Морана, чьи волосы в лунном сиянии едва ли не светились, точно маяк в ночи. А жидкость в стакане, который он держал, выглядела багрово-алой на фоне его бледных изящных пальцев.

Они казались слишком хрупкими для мечника. Но сила, заключенная в наших телах, напрямую зависела от магии, поэтому ни одного даэва не стоило судить лишь по внешнему облику.

— О, ну, увидел, что ты не спишь, — не растерялся див. — Подумал, дай-ка составлю компанию. В одиночку лучше не пить. Так ведь и спиться можно.

Люций вновь подлил себе вина. Багровая жидкость заплескалась по стеклянным граням.

Я пораженно уставилась на него. Не слышала причины нелепее, чтобы теневой даэв надоедал светлому. Особенно посреди ночи. В Академии Снов.

Вернувшись после официальной части праздника, я поняла, что совсем не чувствую себя уставшей. Поэтому, немного подумав, я решила почитать книгу, расположившись на циновке. Ставни были распахнуты, и свежий теплый ветер гулял по комнате. День выдался на редкость погожий для начала весны.

Ничего не предвещало беды, когда спустя некоторое время я услышала шорох, переросший в шаги, —

кто-то топтался у моего окна. А потом появился Люций Моран. Поначалу он едва выглянул из-за подоконника, с любопытством рассматривая спальню и не сразу заметив меня.

Но когда наши взгляды встретились, повисла немая пауза, моя рука застыла, так и не перевернув страницу. Лицо Морана озарилось, брови подпрыгнули вверх. Он как ни в чем не бывало забрался внутрь и, подтащив стул, уселся у подоконника.

— Читаешь? Сегодня много звезд. В такую ночь просто преступление спать, — сообщил он и затих, обратив все свое внимание к небу. Долгое время див молчал, а я все никак не могла отделаться от мысли о неправильности происходящего.

Но заговорить с Мораном — все равно что добавить поленьев в костер. Вот только огонь под именем Люций не нуждался в искре со стороны и вспыхнул сам, когда ему надоела тишина.

— Ночью гулять запрещено, — сказала я, наблюдая, как стремительно пустеет его бокал.

— Патрули упразднены. Сегодня праздник. Кому, как не тебе, Сара, знать об этом? — с насмешливой улыбкой отозвался он.

— И лишь поэтому ты до сих пор сидишь здесь, а не у наставника.

— Не только поэтому... — лениво возразил он, шаря взглядом по комнате. Отыскав второй стакан, стоящий на тумбочке, он поднялся и взял его. А потом внезапно выплеснул налитый в нем маковый чай, который я настаивала, чтобы выпить перед сном, в окно.

«Моя мята... Мой чай...» — сокрушенно подумала я. Взглянув на Морана и испытывая некое бессилие, со вздохом накрыла ладонью лицо. стакан был наполовину полон — видимо, теневой див подумал, что я уже часть выпила, а про мяту он просто не знал, злиться было бесполезно.

Аромат вишни стал ярче, я подняла взор, увидев протягиваемое мне вино и ничего не подозревающего Люция.

Я некоторое время задумчиво смотрела на напиток, но все же сдалась.

— Теневые негодовали всю неделю. Ты доставила им массу неудобств, — проговорил див, возвращаясь на место. — Но, безусловно, многие рады, что твое наказание подошло к концу.

После той ситуации, когда я соврала насчет книг, оправдывая Люция, мне увеличили количество ночей в патруле и переменили время — теперь я следила за порядком вместе с отрядом теневых. Которые относились к своим обязанностям, мягко говоря, условно. Их друзья и в принципе все теневое отделение часто гуляли по ночам, совсем не таясь. В первые дни я ловила их пачками, приходилось обездвиживать и собственноручно тащить к наставнику, чтобы те не сбежали.

Однажды попался и Люций, у самой границы территории Академии Снов. Див нещадно болтал, связанный по рукам и ногам, и, чтобы хоть как-то насолить, успел лизнуть мне пальцы, пока я крепила печать тишины на его лицо. До сих пор мурашки пробирали от ощущения его языка на моей руке.

Когда это случилось, я выпустила связанного Морана, и тот упал, волчком покотившись с пригорка. Кинувшись его догонять, упала и я сама — широкие рукава мантии зацепились за торчавшие ветки кустов. Тем временем Люций успел врезаться в ствол дерева, возмущенно ойкнув.

Печать тишины слетела с лица парня. И тот, сам развалившись на земле и собрав на себе все дары природы (на пути ему попался куст с зимними ягодами, которые пусть и не оставили заметные в ночи следы на его одеянии, но на моей белой веревке, связывавшей его тело, вполне отметились), спросил у меня:

— Ты в порядке?

— В порядке, — отозвалась я, поднимаясь и склоняясь над ним. Оглядела, отметив царапину на щеке. Протянула было ладонь, но, опомнившись, отдернула. — Помажешь лечебной мазью. Ушибов нет?

— Ну-у-у... Почти нет, — задумчиво протянул он, а потом добавил, напрочь убивая все мое чувство вины: — Разве что мягкую точку отбил, но с этим ты мне вряд ли поможешь.

Я выдохнула, хватаясь за веревку и собираясь поставить Люция на ноги, как вдруг услышала грохот — это был звон, от которого затряслась земля под ногами. Тревога.

На обеих башнях зажглись огни. Они багровым сиянием озарили светлые и темные стены и сделали облака на небосводе грязно-коричневыми.

В ту ночь под землей сгорел архив библиотеки, уничтожив все записи о посетителях и книгах, взятых на руки. Остальные труды не пострадали. Но даэву-смотрителю, уснувшему за столом с горящей свечкой, которые использовать в читальне вообще запрещалось, пришлось оставить свою должность и покинуть Академию Снов.

Мы с Мораном видели пепелище. От архивной комнаты ничего не осталось. И даже ценная древесина Вечного дерева, из которой были изготовлены книжные шкафы, пострадала, местами прогорев. И это все несмотря на природную устойчивость к пламени. Живому растению никакой огонь не мог навредить, но вот сотворенная из него мебель была не столь неуязвима. Видимо, пламя было слишком жарким.

Прибрались в пещерах быстро, но по коридорам подземелья до сих пор гулял запах гари.

— Что не дает тебе покоя? — вдруг спросил Моран, склонив голову и посерьезнев. Его пальцы сжимали цепочку, что обвивала шею парня и пряталась под мантией.

— О чем ты? — невозмутимым голосом отозвалась я, чувствуя тяжесть в груди.

— В последнее время ты недовольнее обычного. Неужели жалеешь, Сара? Жалеешь, что помогла мне тогда? — отпивая вина и бросая на меня косой хитрый взгляд, любопытствовал он.

— Нет, не жалею.

Я ни капли не сомневалась в том поступке, но моя же совесть меня не отпускала. И то, с каким рвением я отбывала наказание, стало в своем роде искуплением за ложь. Я светлая и должна ею оставаться, а не сидеть посреди ночи в своей спальне с надоедливym тeneвым дивом.

Но вся ирония в том, что мне нравилось проводить время с Люцием гораздо больше, чем я хотела бы. Пусть теперь того требовали сложившиеся обстоятельства, но все же.

— Значит, архив... — угадал Моран, сощурившись. — А я думал, как долго ты будешь избегать этой темы. Уж слишком удачно он сгорел. Да и ваша новаявленная карательница крайне быстро покинула Академию. Похоже, что ее визит вообще предназначался не для поиска виновного, а для давления. Давления на тeneвых из-за той охоты, где погибли все светлые.

Люций произнес то, о чем я и сама неоднократно размышляла, но ни с кем никогда не обсуждала. Когда на охоте погибли дэвы только с нашей стороны, это событие всего за пару недель обросло тревожными слухами, грозившими враждой между орденами. Но эти слухи рассеялись так же неожиданно, как и возникли. А Элизабет Ларак покинула Академию Снов еще до пожара в архиве — у дэвы накопились дела в обители. То, что советника главы ордена отправили заниматься этим делом, изначально вызывало много подозрений.

— Библиотека в Турисе... — начала я, игнорируя все сказанное ранее. — Слышала, она почти такая же древняя, как та, что в нашей Академии. Ее тоже основал орден Хранителей.

Мне не требовалось договаривать, чтобы Люций все понял. Буквально на днях весь первый курс отправлялся на охоту как раз в тот город вблизи лагеря на озере Спокойствия.

— Меня посещали похожие мысли... — лукаво улыбнувшись, на мгновение обнажая свою истинную суть, согласился Моран.

Неизвестного злоумышленника интересовало наследие предков. Он что-то разыскивал. И возможно, если нам повезет, в библиотеке Туриса мы получим ответы. Собрание Академии Снов уже давно лишилось пары десятков экземпляров — все книги Хранителей изучили, а интересующие забрали. Возможно, до второй копилки знаний наш вор добраться не успел.

Изначально я не желала вмешиваться, но преступник затаился, и всем вокруг неожиданно стало все равно.

Халатное безразличие.

Я отпила вина и поморщилась. Сладкое. Даже чересчур. Нахмурилась, внезапно ощутив горечь, которой там быть не должно.

— Ты что-то добавил, — сказала я, прожигая дива пронизательным взглядом.

Обычно в вине было слишком мало градусов, чтобы опьянить даэва, но то, что я держала в руках, оказалось куда крепче. В аромате вишни чувствовалось что-то еще.

Я принялась.

Кедр.

— Кедровая настойка! — Вскинув взгляд, я угрожающе процедила: — Люций Моран...

— Что? Ты не спрашивала. А по мне, так даже вкуснее. — Он хлебнул еще, оставаясь трезвым как стеклышко.

Я же поставила стакан на пол.

— Значит, мы заглянем в библиотеку... Ну хорошо, — протянул див спустя несколько минут молча-

ния. — За твое здоровье, Сара. И пусть боги помогут нам не вляпаться в неприятности.

Отсалютовав, он вновь опустошил бокал.

«В твоём случае не вляпаться просто невозможно», — подумала я, наблюдая за Люцием: его губы стали красными, почти такими же, как лепестки ликориса — цветка смерти.

* * *

Темная дорога с островками зелени уходила вдаль. Мы отставали от остальных светлых, отправившихся в Турис, на шесть часов. На влажной от прошедшего ночью дождя земле остались их следы.

Я вспомнила, что когда-то по этой же дороге катили повозку с ревенантом, которого нам не раз показывали за последний месяц обучения. От голода монстр становился все медлительнее с каждым днем — без свежей крови нечисть иссыхала изнутри.

— Айвен, все же повезло, что твоя мама уже уехала, — заметила я. Многие верили, что если охота начнется неудачно и возникнут проблемы, то все и дальше пойдет не так, как надо.

— Ну извини, извини! — повторила девушка, уже не хныча.

Я лишь прибавила шагу, понимая, что иного выбора нет. В Академию Снов не впускали людей, поэтому нельзя было нанять помощников, которые могли следить за порядком и работать в конюшне. Она была маленькой, вмещающей в себя не больше десятка скакунов. За ними ухаживали провинившиеся в своих орденах даэвы, которых порою отправляли туда за разные проступки. Но этой участи зачастую удостоивались и не очень умелые воины, занимающие низкое место в иерархии своей обители.

По этой причине ученики обычно отправлялись к месту охоты пешком. Это считалось одной из тренировок, испытанием на выносливость. Тем более

места, куда шли молодые воины, зачастую находились не так далеко от башен тени и света.

Но пусть даэвы уставали не так быстро, как люди, долгое путешествие все равно утомляло и порою навевало скуку. Особенно когда ты был вынужден пройти по одной и той же дороге дважды.

До Туриса же было чуть больше дня пути. Каждый добирался до города самостоятельно, но наставник наказал не делиться на группы меньше трех человек. Пусть дорога славилась своей безопасностью, но нельзя было пренебрегать главными правилами предосторожности.

Изначально мы с Айвен отправились вместе со всеми светлыми даэвами, но когда спустя три часа пути выяснилось, что девушка забыла свой меч, это вызвало волну немого раздражения и недовольства.

Необходимо было возвращаться, иначе Айвен бы отстранили от охоты и отправили письмо в обитель — последнего она боялась как огня. Она стояла, поникшая и перепуганная, готовая идти в одиночку. Остальные переглядывались, зная, что отпускать одну нельзя, но и возложить на свои плечи дополнительные шесть часов пути никто не спешил, ведь придется идти всю ночь, чтобы успеть к следующему утру. Они не отдохнут, а им еще весь день предстояло расспрашивать жителей и разыскивать зацепки в надежде, что к заходу солнца они смогут отыскать затаившегося в той местности монстра.

Каждый желал получить звезду, у многих ключицы были девственно-чистыми, без знаков заслуг. И даже при малейшей возможности отличиться никто не хотел терять этот шанс.

— Я пойду с тобой, — произнесла я, чувствуя облегчение, охватившее остальных. Даэвы переглянулись. Айвен виновато смотрела на меня, и глаза у нее были на мокром месте. В последнее время она стала более рассеянной. Возможно, это было связано с недавним визитом ее матери в Академию Снов.

— Вы вернетесь вдвоем? Разве мы можем их отпустить? — возразил Ной, выступая вперед. — Наставник узнает, и все получают выговор.

— И что ты предлагаешь? — спросил кто-то.

— Ничего. Никто не возвращается, и все мы продолжаем путь. Этот случай научит дисциплине. Как вообще можно забыть свой меч? — Див искоса глянул на Айвен и хмыкнул: — Если, конечно, никто не желает быть третьим в этом отряде.

Все согласно закивали.

— Я... я пойду с ними, — несмело подняв руку и тушуясь под всеобщими взглядами, выступил вперед Винсент.

Ной усмехнулся:

— Ну хорошо. Тогда не смеем мешать. Теперь вас трое. — Он развернулся, собираясь продолжить путь. Остальные последовали его примеру.

— Сара, — окликнул меня Натан Страйд, когда даэвы отошли на несколько метров. Юноша был одним из первых по успеваемости на нашем году обучения. — Будьте осторожными. И извини, что не могу пойти с вами.

Див опустил взгляд. Он чувствовал вину. Но, видный представитель своего ордена, как и все стражи, он не мог упустить выпавшего первого шанса. Главы и умудренные опытом даэвы больше всего любили обсуждать успехи молодого поколения. Хвалиться ими. Ведь именно нынешние ученики выстроят будущее ордена и станут его опорой. Очень важно проявить себя во время вот таких вылазок.

— Ничего. Не беспокойся об этом, я все понимаю, — отозвалась я, ни в чем его не виня.

У меня самой не имелось и капли желания затягивать и усложнять и без того долгое путешествие. Но и Айвен бросить я не могла.

Натан поджал губы в сожалении, все еще колеблясь. Потом бросился догонять успевшую отойти группу.

Я же повернулась, собираясь отправиться в противоположную сторону.

— Спасибо, Винсент, — взглянула я на чувствовавшего себя неуютно юношу.

Тот, заметив мой взор, покраснел.

— Я... я просто мог помочь, — смущенно прошептал он.

Винсент суетливо провел рукой по светло-русым, слегка завивающимся волосам, будто не зная, куда деться. Веснушки на его носу и щеках будто придавали облику молодого воина еще большей рассеянности.

Див так переживал. Нервозность волнами распространялась от его тела.

Почти весь путь обратно Айвен плелась, отставая на несколько шагов, и постоянно шмыгала носом, коря себя и непрестанно извиняясь перед нами. Но, когда мы вернулись в Академию Снов и она смогла забрать свой меч, оправившись от случившегося, дэва будто ожила. Безустанно благодарила, прижимая к груди оружие. Когда мы оставили позади место, где нам пришлось разминуться с основной группой, девушка и вовсе повеселела.

Было приятно видеть, что она вновь стала собой. Шла, задрав голову, разглядывая верхушки деревьев, растущих по краю дороги. Мы были уже девять часов на ногах, закатное солнце клонилось к горизонту, и скоро надо было устроить привал.

— Не обращай внимания, если остальные будут что-то говорить о случившемся, — произнесла я, прекрасно понимая, что и светлые, и теньевые могут начать поддевать подругу. — Но в следующий раз надо быть внимательней, Айвен. От того, будет у тебя меч или нет, зависит не только твоя жизнь.

— Я понимаю, Сара, — помрачнев, отозвалась она, обращая взор на свой клинок с инкрустированным в эфес сапфиром. И вдруг тихо добавила: — Но порой я смотреть на него не могу...

Взметнув взгляд, она будто осознала, что сказала лишнего. Ларак прибавила шагу, догоняя светлого дива, идущего несколько впереди нас.

— Винсент, а ты из какого ордена? — пристала к нему подруга.

Я покачала головой. Провести бок о бок на занятиях полгода и не знать ордена даэва — как минимум невежливо. Хотя в данном случае Айвен наверняка лукавила и использовала вопрос как повод завести беседу.

Обычно Винсент вел себя тихо, не выделялся, поэтому Ларак до нынешнего момента практически с ним не говорила.

— Орден Рухх, — отодвигаясь от нее, пролепетал парень.

— Орден Рухх? — нахмурилась Айвен.

— В честь огромной птицы, обитающей на Затерянных островах. Она иногда долетает до берегов острова Рухх, — вмешалась я. Будь на месте Винсента кто-то иной, и Айвен могла бы пожалеть о своем незнании.

— Это остров у самого раскола в Серый мир? — округлила глаза Айвен и, загибая пальцы, стала перечислять: — Получается, птица Рухх, остров Рухх и орден Рухх. Наверное, и фамилия твоя Рухх?

— Нет, Рок. — Парень опустил взгляд, вновь смутившись. — Но это одно из малоизвестных названий птицы Рухх.

Девушка засмеялась. Ее смех пронесся по пустынной дороге.

— Айвен, — позвала я, внимательно наблюдая за подругой все это время, — пусть орден Винсента и малочислен, но они больше всех знают о мутациях монстров. Хоть остальные виды встречаются крайне редко и ревенанты — наша главная напасть, но именно незнание погубило многих даэвов даже при столкновении с самыми слабыми из них. Думаю, Винсент ведает о нечисти гораздо больше нас с тобой и нам есть чему у него научиться.

Орден Рухх существовал довольно обособленно из-за отдаленности от остальных обитателей светлых. Лишь недавно их глава вошел в общий совет.

— Спасибо, — пробормотал див.

Я покачала головой. Меня не за что было благодарить.

Вскоре мы остановились на привал у дороги, поросшей сорняками. Этим путем мало пользовались, люди здесь почти не встречались, за исключением редких путников, случайно свернувших на развилку с главного тракта, и телег с провизией, что проезжали здесь примерно раз в полмесяца.

— Остальные уже, наверное, добрались, — прошептала Айвен, жуя бутерброд, который достала из своей матерчатой сумки. Ее меч небрежно лежал у ноги, прямо на пыльной земле.

Я согласно кивнула, задумчиво глядя в темное небо с одиноко плывущими в лунном свете, точно куски ваты, серыми облаками. Неполная луна уже шла на убыль, но темные пятна на ее поверхности все еще четко выделялись.

Небу не было дела до земных проблем, оно выглядело так безмятежно.

— Сара, о чем вы задумались? — спросил Винсент.

— Сара всегда о чем-то думает, — ответила ему Айвен.

— Ни о чем. Просто луна красивая. Ко мне можно на «ты», — чувствуя умиротворение на душе, произнесла я.

Осматриваясь, я желала запечатлеть в памяти таинственную и немного мрачную красоту этого места. Темные ветви деревьев были подобны сотням рук, пытающимся дотянуться до неба, стать к нему чуточку ближе, а шуршание листвы походило на хоровой шепот, возносящий молитву. Прочитав много книг, я почти перестала верить в богов — слишком много противоречивого было написано в них. У даэвов еще сохранились труды, раскрывающие истину о лично-

стях некоторых из божеств. Эти истории разительно отличались от тех, что рассказывались в храмах. В них боги были лишь даэвами, отважными воинами, чья смелость превзошла отвагу остальных, а судьба оказалась более удивительной. Но порою встречались записи и о том, что люди становились героями этих историй. Это несомненно доказывало: то, кем мы станем, зависит лишь от нас самих, а не от того, кем именно мы родились.

После короткого привала мы вновь двинулись в путь. Винсент уже перестал смущаться из-за сущей ерунды, но и не болтал попусту. Порой на его губах появлялась легкая, едва заметная улыбка. Несмотря на долгое, изнурительное путешествие, настроение у юноши стало гораздо лучше, чем в самом начале.

До Туриса оставалось еще около двух часов пути, когда на повороте дороги обнаружилась косо стоявшая телега, съехавшая прямо в кусты, — из-за отсутствовавшего колеса она рухнула на один край. Рядом кто-то стоял, переговариваясь, и слышался плач ребенка.

— Кто это? Разве люди пользуются этим путем? — удивилась Айвен.

— Сейчас узнаем, — проговорила я. При приближении стало понятно, что телега застряла между двух деревьев. Лошадь шумно дышала, фыркала и топталась на одном месте за их стволами.

— Вы уверены, что не заметили ничего необычного, уважаемый? — послышался знакомый голос.

— В который раз говорю — нет! Мы с женой случайно забрели на эту дорогу, когда стало смеркаться, поняли, что свернули не туда, и решили возвратиться. А эта животина вдруг взбесилась и ломанулась в лес. Где я возьму деньги на новое колесо?! — Человек, причитая, схватился за голову.

Вдруг раздался треск.

— Посторонись! — крикнули из леса. Мужчина и его жена вскрикнули, а ребенок перестал плакать, когда на дорогу упал ствол высохшего дерева.

— Ты что творишь? — опешил Рафаиль, появляющийся из-за кустов.

— Собираюсь сделать колесо. Не беспокойтесь, сейчас что-нибудь сообразим. — Отряхивая руки, из леса деловито вышел Люций, за ним брел Коэн. — Или ты на себе собирался тащить их телегу? О, Сорель!

Моран приблизился бегом, посмотрел на ствол, лежащий у самых моих ног, и двух даэвов, вцепившихся в мои плечи побелевшими пальцами. С одной стороны выглядывала Айвен, с другой — Винсент. Поведение последнего стало сюрпризом.

— Что здесь случилось?

— Не знаю, наткнулись на них. Лошадь пыталась затащить телегу в лес. Там болота начинаются, деревья меньше становится. Им повезло, что колесо сломалось, край телеги повело, и она не смогла проехать дальше, — негромко поведал Моран, мельком оглядываясь назад. — Смотрю, и у тебя прибавилось подопечных. Неужели меня не хватало, Сорель?

Айвен позади сердито засопела.

Коэн, сложив руки на груди, стоял в нескольких метрах от нас, всем своим видом выражая враждебность.

— Ты мог восстановить старое колесо. — Игнорируя последний вопрос, я посмотрела на дерево у ног.

— Не мог. Оно изначально слишком трухлявое. Я, конечно, рад, что ты такого высокого мнения о моих навыках, Сорель, но гораздо легче по подобию создать новое. — Люций все же достал из кустов старое колесо и, по-разному крутясь, прикладывал его к стволу.

— Как лошадь?

— В полном порядке. Не знаю, что с ней случилось. Может, приманило что-то? Или просто испугалась... — отозвался Моран. — Расспрошу их поподробнее, когда будем возвращаться в город. Вряд ли они поедут дальше после подобного приключения. Плохая примета.

Понаблюдав некоторое время за плясками дива, который кружил вместе со сломанным колесом, я перешагнула преграду, оказавшись на другой стороне дороги.

— Идемте, — обратилась я к Айвен с Винсентом. — Здесь прекрасно справятся без нас.

Мы отошли на несколько метров, уже почти исчезнув в ночи, когда за спиной раздался возглас:

— Сорель, не забудь, что ты обещала угостить меня вином!

Я на мгновенье замерла. Это не было обещанием, просто Люций, как обычно, заговорил меня. Той ночью в моей комнате. Он заявил, что я *обязана* его вознаградить, если мы отыщем что-то в библиотеке Туриса.

— Ты согласна? — бросил Моран, удачно выбрав время. А я, задумавшись, неосознанно кивнула. И див это запомнил.

После этого я дала себе зарок быть внимательнее. Ведь Люций способен всю душу вытрясти, пока не получит желаемого.

— Пока что мы ничего не нашли. Поэтому и угощать тебя я не обязана, — едва повернув голову, повысив голос, бросила я.

Вновь вернула взор на дорогу, собираясь продолжить путь. И наткнулась на взгляд Айвен — удивленный и осуждающий.

— Что вы пока не нашли? — спросила она, смотря на меня все так же — с подозрением, будто не узнавая. Понизив голос, она продолжила: — Ты уже настолько с ним близка? Тебе не кажется странным, что из всей Академии Снов он прицепился именно к тебе? К дочери главы одного из крупнейших светлых орденов?

К дочери главы? Это утверждение было верно лишь наполовину. Все же кровь — не вода.

— Айвен, не надо. Не стоит злословить о том, кого плохо знаешь, — произнесла я, видя, насколько не по душе пришелся Ларак мой ответ. Она шумно втянула воздух, но промолчала, прибавляя шаг.

Смотря ей вслед, я почувствовала вину. Но в то же время и рассказать обо всем девушке я не могла. Это была не моя тайна. А Айвен давала мне слишком много поводов для недоверия.

Наша группа уже долгое время шла в тишине, когда Винсент проговорил:

— Все-таки странное происшествие...

— Да. Путникам повезло, что сегодня эта дорога весьма оживленна. В ином случае они бы остались там одни на всю ночь, а кто знает, что притаилось в этой местности?

Ситуация заставляла задуматься, ведь в Турисе пропало несколько людей. По словам жителей, все пропавшие собирались в путешествие. Логично было бы предположить, что путешествие затянулось либо с ними произошло несчастье уже в пути. Но совсем недавно нашли младенца прямо на дороге, а до этого мужчину со сломанной ногой, что попал в капкан охотника и истек кровью, — он не смог выбраться и позвать на помощь. У младенца были родители, а у умершего имелся брат, который путешествовал вместе с ним, — и все они тоже исчезли. Словно растворились в воздухе. Или их сожрали твари — этот вариант событий был наиболее вероятен.

Изначально, когда только планировалась эта охота, обитание монстра возле Туриса было лишь домыслом. Большая часть учеников и не верила, что мы наткнемся на нечисть. Но в свете последних новостей о пропавших сомнениях стало гораздо меньше.

Поэтому в городе нас ожидало трое наставников, хотя обычно в охоте участвовал лишь один. Руководство Академии Снов решило, что лучше подстраховаться, дабы избежать внезапных смертей.

Хотя смерть редко бывает ожидаемой...

Но, несмотря на охоту, на меня Турис навевал воспоминания о лагере у озера Спокойствия, который раскинулся неподалеку. В это время года он практически пустовал, там проживали лишь престарелые

даэвы, приглядывавшие за территорией и решившие провести остаток жизни в уединении. Даже в летние месяцы, когда туда отовсюду стекались молодые стражи, постоянные жильцы обычно скрывались в дальней части лагеря, куда ученикам вход запрещали.

Земли возле Великих озер и Академии Снов считались одними из самых безопасных, в округе было слишком много магии даэвов, и это отпугивало нечисть, заставляя ее разбредаться по другим уголкам материка. Но за последние два года Турис уже, возможно, второй раз страдал от порождений тьмы.

На днях, заглянув в хроники, я узнала, что последнее появление нечисти в Турисе, не считая случая со мной, происходило почти пятнадцать лет назад. Безмятежным годам вдруг пришел конец. И если слухи о монстре подтвердятся, то, вероятно, где-то неподалеку находится то, что привлекает энергию Серого мира в этот городишко.

Мысли прервал негромкий скрип, донесшийся сзади.

Люций, управляя повозкой, стремительно нагонял нас, нахлобучив на голову неведомо откуда взявшуюся соломенную шляпу. Сами владельцы гнедой кобылы сидели вместе с другими теньевыми дивами в телеге, у которой вместо одного было целых четыре новых колеса.

— Забирайтесь, подвезем, — предложил Моран.

— Телега развалится, — буркнула Ларак.

— Ничего не развалится, — отмахнулся див, а потом раздался треск. У попытавшегося встать Блеза провалилась в днище нога, проделав дыру. У Айвен вырвался тихий смешок.

— Точно развалится, — прошептала она, пытаясь подавить улыбку.

— Мы сами дойдем. Но спасибо, — отозвалась я, уже видя зарево огней над городом, что не потухали даже ночью. Если мы поторопимся, то успеем даже поспать.

Но, против всякой логики, телега вдруг поехала медленнее, вровень с нами. Не прошло и нескольких

минут, как изнутри донесся чей-то храп, — то ли это была семейная пара, то ли кто-то из дивов заснул. А может, и все вместе.

Пусть почти все из присутствовавших испытывали смертельную усталость, нашелся кое-кто, полный сил, — малышка лет семи, чей плач мы слышали в самом начале. Оправившись от шока и поняв, что ничего страшного не случилось, она, едва выглядывая из-за деревянного бортика, пристала к Люцию с вопросами:

— А вы тоже путешествуете?

— Да, мы идем на охоту, — с готовностью ответил Моран.

— Охоту?

— Да. На плохих-плохих существ.

— Ревенантов, да? Я уже взрослая, поэтому знаю о них, — довольная своей догадливостью, заявила малышка, потрянув головой. Светло-русская коса растрепалась, делая ее похожей на одуванчик.

— Да? Ты и правда взрослая, — наигранно восхитился Люций. — Моя сестра была чем-то похожа на тебя в этом возрасте.

Див впервые заговорил о своей сестре. Я знала, что у главы Северного ордена два ребенка, но даже один из них мог заменить десятерых.

Какая она, вторая Моран?

Девочка повернулась ко мне. Долго смотрела, пока тишину нарушал лишь размеренный скрип телеги.

— Эта тетя меня пугает, — вдруг произнесла малышка, вновь обратив все свое внимание к Морану.

Я вздрогнула. Нахмурилась.

Люций звонко рассмеялся, лишь чудом не перебудив спящих.

— Порой она пугает и меня, — согласился он, бросив на меня хитрый взгляд. — Но на самом деле эта тетя очень добрая. Если бы ты узнала ее поближе, то поняла бы это.

— Она тебе нравится? — спросила малышка, подпирая ладошкой подбородок.

— Конечно. Она мой друг, — как ни в чем не бывало заявил див.

Мой взор метнулся к нему, на мгновение я будто утонула в пепельных глазах.

Такая банальность.

Айвен засыпала на ходу. Винсент тоже. И в повозке было подозрительно тихо. Это создавало иллюзию единенности. Будто свидетелем этого разговора были только я и он и мало что понимающий ребенок.

— Мама говорит, что когда нравится, то женятся.

— Многому же тебя мама учит, — заметил Люций.

— Да. Она у меня очень умная.

— Значит, ты пошла в нее. — Моран потрепал девочку по голове.

Дорога вильнула, деревья расступились, являя сплетение новых путей, которые соединялись в одну большую дорогу. Последняя упиралась в запертые деревянные ворота, что охраняли Турис от непрошенных гостей. Неподалеку от ограждения блестела гладь озера — одна его половина относилась к территории города, а другая — за его пределами.

— О, мы почти приехали, — сказал Люций, дергая поводья и заставляя лошадь идти быстрее.

Телега натужно заскрипела и обогнала нас, чтобы совсем скоро остановиться у ворот, где местный стражник проверял въезжающих в город. Город, не спящий даже ночью.

Посмотрев на лес, оставшийся позади, потом на проснувшуюся семейную пару и их ребенка — маленькую невинную девочку, что чмокнула в щеку маму и стала пересказывать недавний разговор с Мораном, — я вновь ощутила возрастающую ответственность за невинные жизни. Коснулась эфеса меча, осторожно проведя пальцами по металлу.

Малышка, сидевшая в телеге, неожиданно стала напевать песенку:

«На заре, встречая рассвет,
Растечется алый цвет.

Землю он обагрит,

И в том месте цветок вырастет».

Я оглянулась на девчущку, которая сама не знала, о чем пела, беззаботно вертя в руке тряпичную куклу. От этого песня звучала еще более зловеще и пугающе.

Ликорис — цветок смерти — нередко вырастал там, где недавно пролилась чужая кровь. Особенно если в ней присутствовала магия, темная или светлая — неважно, как и то, даэву она принадлежала или человеку, обращенному в монстра.

Сглотив, я посмотрела на Морана — мы оглянулись одновременно, встретились взорами, — внутри его темно-серых радужек вновь бушевала гроза.

Скрип открывающихся ворот вывел меня из оцепенения, и я отвернулась, на мгновение сжав ладони в кулаки и чувствуя, как в горле неожиданно пересохло. Было так странно понимать, что из всех окружавших меня даэвов я неожиданно нашла понимание лишь у теневого дива, чьи эмоции раз за разом оказывались так созвучны моим.

ЛОУЗ ПРАУД

*Свету и тьме – не бывать вместе.
Не зря мы тщательно чтим этот закон.
Рано или поздно либо свет развеет тьму,
либо тьма погасит свет.*

*Не означает ли это,
что даже исход многовекового
союза предопределен?
Тогда не должны ли мы позаботиться
о людском благе?
Разве не обязаны мы одержать верх?*

«ЗАПИСИ СВЕЛОГО ДАЭВА»
БИБЛИОТЕКА ОРДЕНА СОРЕЛЬ

Академия Снов,
тридцать один год назад...

Сара

Распроставшись с семейной парой, мы отправились на поиски гостиного двора, о котором упоминал наставник.

Город утопал в неплотном тумане, фонари на козырьках домов были похожи на блуждающие огни — души умерших, что можно встретить в местах, где ткань между мирами особо тонка из-за скопившейся магии.

Но, несмотря на столь поздний час, тут и там встречались люди — они убирались и развешивали украшения на улицах. На выходных планировались новые гуляния. Праздник Весны уже долгие годы оставался одним из самых известных и долгих — его отмечали на протяжении всего месяца.

Особенно тщательно этому обычаю следовали в Турисе. Все стремились повязать длинную розовую тесьму на ветку одного из малочисленных деревьев, отчего они словно зацветали, усеянные развевающимися лентами. В самый последний день празднества их снимали и каждый брал чужую ленту — так делились счастьем. Люди верили, что эти обереги помогали избавиться от дурных мыслей: зависти, злости, жажды мести. Достаточно лишь сжать благословенную ленту в руке, и все наладится.

На юге материка жители королевств верили в подобные мелочи и поддерживали эту веру в своих детях. А на Турис, пусть он и находился на территории Феросии, Третье королевство все же оказывало куда более заметное влияние, чем Акракс.

— Винсент, ты первый раз в Турисе? — поинтересовалась я, ощущая волны нервозности от дива, который чувствовал себя неуютно среди теневых даэвов, следовавших вместе с нами.

— Да, — отозвался воин. — Моя семья нечасто путешествует. Обычно для того, чтобы... — Густо покраснев, он внезапно замолчал. Отвел взгляд, делая вид, что внимательно рассматривает дома вдоль покрытой известняковыми плитами дороги.

Повисла немая пауза. Но, заметив реакцию парня, Айвен с интересом посмотрела на него, и даже теневые дивы попеременно бросили вопросительные взгляды, отчего Винсент вынужденно продолжил:

— Мы покидаем остров, чтобы отыскать пару. — Лицо дива пылало, но он спешно добавил: — У нас малочисленный орден, и почти все мы так или иначе приходимся друг другу родственниками. Поэтому...

— Вы отправляетесь в мир, чтобы найти спутника жизни, — закончил за него Моран. Сложив руки на груди и подняв голову к небу, он шел, совсем не смотря на дорогу.

Вновь воцарилась краткая тишина. Некоторых услышанное удивило, других заставило задуматься.

— И сейчас ты тоже ищешь? — спросила Айвен. Девушка не смеялась, даже наоборот — стала гораздо серьезнее.

— Не прямо ищу. Но если вдруг получится... — Не договорив, Винсент порывисто отвернулся, накрыв щеки руками и весьма озадачив своим поведением Айвен.

По мне же, это выглядело крайне мило.

— Могу тебе помочь, — вдруг предложил Люций. — У меня есть в этом определенный опыт.

Я удивленно на него взглянула. Див улыбался. Вновь его шутки?

— Не слушай его, Винсент. Вряд ли он сможет тебе чем-нибудь помочь, — невеселым тоном сказала я, решив, что Моран задумал как-то подшутить над светлым. — Боюсь, если у Люция и есть опыт, то только в посещении Радужных домов, — вспомнила я события почти трехлетней давности, когда теньевые как раз по этой причине нарушили правила и покинули пределы лагеря у озера Спокойствия.

Я ускорила шаг, понимая, что идти осталось совсем чуть-чуть. И, уже отойдя, расслышала чей-то приглушенный голос:

— Все-таки она тебя ненавидит.

На мгновение я застыла, едва не обернувшись, а потом вновь пошла вперед. Раньше меня не волновали чужие слова, но теперь я испытала легкое беспокойство из-за того, что Люций и правда подумает, будто я его ненавижу.

Ведь это совсем не так...

Предназначенный нам гостиный двор выступал вперед на углу улицы. Длинный козырек над главным входом создавал уютную веранду. По деревянным балкам шли витиеватые знаки, обведенные золотой краской, — это место предназначалось для даэвов.

Мы вошли внутрь — дверь отворилась, стоило только постучать. Единственным источником света в по-

мещении был ночник, висевший на стене неподалеку от входа.

— Что будем делать? — прошептали за спиной.

— Надо кого-то разбудить, — предложил Люций.

Но в это время, зевая, растерянно почесывая затылок и держа в свободной руке подсвечник, появился мужчина.

— Последние? — скушаяще осведомился он и позвал нас за собой, ведя к широкой обшарпанной лестнице. — Комнат почти не осталось, только на чердаке. Сами виноваты, что опоздали. Что-то задержало в дороге?

Несмотря на внешнюю сонливость, мужчина оказался любопытным и разговорчивым.

— Да. Мы морозию искали. Слышал, что ее заметили где-то неподалеку в полях, — ответил Люций, оглядывая деревянные стены, по которым скользил трепещущий свет свечей.

— А-а-а, — протянул незнакомец, одаривая дива более внимательным взглядом.

Если мужчина окажется болтливым, то Люций с друзьями будут далеко не последними искателями удачи, которую прочили каждому счастливчику, отыскавшему цветок.

Комнаты наверху были крохотными и старыми, с тонкими стенами, которые наверняка появились на чердаке уже после возведения дома.

Из-за того что спален осталось всего две, Винсенту предстояло делить комнату с теневыми. Либо он мог спуститься и поискать более свободное помещение, при этом грозя разбудить молодых воинов, что отсыпались перед приближающимся заданием.

— Не смущайся так. Я не кусаюсь, — закинув руку на плечо светлому диву, произнес Люций.

— Да, господин Моран, — пролепетал Винсент, покорно шагая вместе с ним.

— И господином не зови, — возмутился див, удаляясь.

Бросив короткий взгляд в спину ушедшего дива, я отправилась к нашей с Айвен спальне. Та была длинной и узкой, точно еще один коридор. На противоположной стороне комнаты виднелись высокие раздвигающиеся двери, что открывали путь на балкон, раскинувшийся над верандой.

Подруга опустила скромные пожитки на пол у своей постели. От тонких одеял, накрывавших кровати, шел легкий аромат лаванды — похоже, их цветки зашили внутрь.

Размышления прервали чужие голоса.

Я внимательнее взгляделась в стену, разделявшую две комнаты. Приблизилась, понимая, что она была даже тоньше, чем я предполагала ранее. Коснулась ладонью, будто опасаясь, что преграда — лишь иллюзия и моя рука пройдет насквозь.

Наше соседство оказалось еще теснее. Эмоции дивов, разместившихся по ту сторону, ощущались крайне ярко. Даже не требовалось усилий, чтобы их распознать.

Такие громкие...

Я покачала головой, собираясь отстраниться, и вздрогнула, когда стена сотряслась от стука по ту сторону.

— Сара, меня слышно? Ты на меня все еще злишься? — расслышала я голос Люция, стремительно пятясь.

Моран стучал почти минуту, порою отбивая какой-то веселый ритм, но, не дождавшись ответа, прекратил. Вновь повисла долгожданная тишина.

Все это время я смотрела на перегородку со смешанными чувствами, в которых были удивление, раздражение и вопрос: «Почему я должна на тебя злиться? Правильнее было бы тебе гневаться на меня...»

Отвернувшись, я стала расстилать постель, пока подруга скрылась в соседней комнатке, выполнявшей роль уборной.

В какой-то момент, сжимая в ладонях край одеяла, я увидела свое отражение в мутном зеркале на противоположной стороне комнаты — на освещенном лунным светом лице блуждала легкая, едва заметная улыбка.

Улыбка исчезла, а я еще долго размышляла о причине, вызвавшей ее.

— Сара... — тихо позвала Айвен, когда мы легли. Я повернулась, поглядев на соседнюю постель, стоящую почти вплотную к моей. Дэва несколько секунд молчала, гипнотизируя темнеющий потолок, прежде чем прошептать: — Тебе не стоит водить дружбу с ним.

— Почему? — задумчиво спросила я, сразу поняв, о ком речь. Моран так долго называл нас друзьями, что я была почти с ним согласна. И больше не видела причин для того, чтобы отталкивать его.

Девушка громко выдохнула, поднимаясь на локтях, и продолжила:

— Орден Сорель — один из самых могущественных среди светлых, а Северный царствует среди темных. Это все не шутки. Рано или поздно вы окажетесь на противоположных сторонах. Фредерик станет главой, и ты будешь ему нужна.

— И я буду с ним. Фредерик всегда может на меня положиться, — непоколебимо и спокойно сказала я. — И Моран лучше, чем кажется со стороны, Айвен. Ты должна была это заметить.

— Не знаю... — холодно протянула она. — Пока я отчетливо вижу лишь его хитрость. И не понимаю, почему ты не обращаешь на это внимания.

Хитрость? Да, порой Люций и правда был крайне изворотливым. Нередко див вызывал раздражение, и я до сих пор до конца его не понимала. Но в то же время, сколько бы ни наблюдала за ним, всегда приходила лишь к одному: на Морана можно было положиться и ему можно было доверять. Даже несмотря на случившееся в лагере у озера Спокойствия и на

его порою несносный характер. А неуемная энергия дива иногда провоцировала желание связать его. По крайней мере, недавний случай, когда он был пойман с поличным за попыткой покинуть территорию Академии Снов, показал, что это весьма действенный способ усмирения.

— Айвен, что ты знаешь о визите твоей мамы в Академию? — вдруг произнесла я. — Зачем она приезжала?

Повисла звенящая тишина. Скорее всего, из-за тонких стен, разделявших спальни, нас легко можно было подслушать. Но я не придала этому значения. Мы не разговаривали о чем-то по-настоящему важном и тайном.

— Для того чтобы найти виновного, разве нет? — дрожащим голосом проговорила дэва.

— Я думаю, что нет, — прямо высказалась я, ловя ее мимолетный взгляд. У Айвен был ограничитель моего дара, но даже без магии я разглядела панику в серо-зеленых, точно как у матери, глазах. Матери, которую боялась собственная дочь. — Айвен, если тебя что-то тревожит и беспокоит, ты всегда можешь рассказать мне. Вместе мы найдем выход.

— Могу ли? В последнее время мне кажется, что теперь у тебя есть кто-то гораздо ближе, — едко заметила она. Вновь посмотрела на меня, и ее взгляд виновато опустил. — Извини. Не знаю, что на меня нашло. Я просто, наверное, устала. Надо спать. Приятных снов.

Айвен стремительно перевернулась на другой бок и подтянула одеяло выше.

— И тебе, — спустя несколько секунд отозвалась я. Наш разговор вызвал лишь больше беспокойства. Но в то же время я не должна была терпеть постоянные нападки Айвен. Большинство ее подруг мне не нравились, но Ларак я об этом никогда не говорила. Это ее решение — с кем именно водить дружбу.

Вздохнув, я прикрыла глаза. Нам оставалось всего лишь три часа на сон, необходимо было отдохнуть.

Наутро меня разбудил вскрик Айвен. Оказалось, что комната, в которую поселили тeneвых даэвов и Винсента, не просто соседствовала с нашей, она оказалась соединена общим балконом. Отчего подруга, вышедшая подышать свежим воздухом, смогла лицезреть голые торсы парней. И не только торсы — она случайно застала кого-то из дивов за переодеванием.

Дверь, ведущая на балкон, имела стеклянное окошко, в которое ничего не подозревавшая Ларак и посмотрела.

— Мы опоздали. Пришли последние, вот и результат. Более комфортные комнаты оказались заняты, — сказала я.

Хотя мои слова отнюдь не отменяли того, что нас должны были хотя бы предупредить. Но жаловаться хозяину заведения было слишком. Все же мы воины, и подобные мелочи не должны были нас волновать.

За завтраком к нам с Айвен подседа ее подруга Ирис. Дэва с глазами цвета жженой карамели и такого же оттенка волосами, одетая в белую мантию с вышитыми на ней тонкими зелеными листочками, указывающими на принадлежность к ордену Вечной зелени. Она лениво шевелила ложкой в каше, поглядывая на еду без явного аппетита.

— Выглядишь неважно, — заметила девушка, бросая взор на Ларак.

— Спала плохо, — отмахнулась Айвен.

— Слышала, вас распределили в смешанную команду. — Она покачала головой, цокая. — Интересно... Наверное, сложно вам придется.

— Не сложно. Возможно, это даже к лучшему, — нашла подруга, становясь мрачнее от чужих расспросов. — Не зря же на настоящую охоту предпочитают отправляться совместными группами.

— Ну не знаю. В последнее время тeneвые и светлые не очень дружны.

— У нас уже есть несколько зацепок. Поэтому сложностей возникнуть не должно, — похвасталась подруга.

— Да? — заинтересовалась Ирис.

В этот миг к нам подошел Лоуз Прауд — один из наставников, что должен был следить за нашей охотой в Турисе. Высокий и статный мужчина с мягкими чертами лица и тихим голосом. Голубые, словно льдинки, радужки делали его взгляд рассеянным, немного расфокусированным. Будто светлый див постоянно был погружен в себя.

Его руки были облачены в перчатки, позволяющие избегать случайных прикосновений. В первые годы, когда еще плохо контролировала дар, я тоже носила такие. Но через пару лет Долорес заставила меня снять их, сказав, что так я сама возвращаю свою слабость. Уже сейчас я понимала, что в чем-то она оказалась права.

Наставнику было почти полвека, и он до сих пор закрывал свои руки.

Вообще у стражей сложно было угадать возраст, не зная наверняка. Многие просто делили годы на два. Но и это считалось весьма условным, ведь продолжительность жизни напрямую зависела от количества силы в нашей крови, которую отражали дар и сила печатей.

В былые годы, когда я еще даже не родилась, Лоуз Прауд являлся тем, кто поддерживал связь между нашим орденом и орденом Красного леса. Позже учителя пригласили в Академию Снов, где он преподавал до сих пор. Об этом мне рассказал Фредерик, когда дива прикрепили ко мне в качестве личного наставника.

Лоуз Прауд поприветствовал нас. Все сидящие за столом поднялись, в почтении склонив головы. В пределах Академии наставник не носил с собой меч, но теперь я впервые заметила, что оружие было при нем, — скрывалось под широкой голубой мантией. Мне всегда казалось странным такое прохладное отношение к своему клинку, ведь в обычное время он лежал на подставке в его кабинете, накрытый тканью. И, судя по складкам на материи, див мог не прикасаться к нему днями.

— Извините, что потревожил, — сказал он, мельком взглянув на девушек и останавливая взгляд на мне: — Можете уделить мне немного времени?

— Да. Я уже позавтракала, — отозвалась я, несмотря на лишь наполовину опустевшую тарелку.

Губы наставника тронула легкая улыбка. Мы отошли на несколько шагов от стола.

— Мы с остальными наставниками будем приглядывать за вами. Но вы должны будете сами справиться с опасностью, если таковая возникнет, — заговорил учитель.

— Да, я знаю. Спасибо вам за беспокойство.

— Но если ситуация выйдет из-под контроля, используйте печать тревоги, — добавил он. — Остаться в живых — ваша главная задача.

Я промолчала, выражая немое согласие.

— И постарайтесь... хм... избежать новых наказаний. Как бы я ни желал того, но уже совершенный проступок от вашего главы скрыть мне не удастся. Поэтому, если возникнут какие-то сложности и вам понадобится совет, можете всегда прийти ко мне и обо всем рассказать, — произнес он с заботой и мягкой, понимающей улыбкой на губах.

Я смотрела на него, и доверие разливалось в груди. Еще немного, и я бы рассказала о своем намерении посетить здешнюю библиотеку. Но неведомо откуда взялось беспокойство.

И я всего лишь вновь поблагодарила учителя, опустив взгляд и пытаясь понять, что же не давало мне покоя. А когда Лоуз развернулся, направляясь к столу, за которым завтракал, я внезапно поняла: он использовал на мне дар. Расстояние между нами увеличилось, и оковы спали. По сравнению с наставником я все еще была неопытна, поэтому далеко не сразу почувствовала влияние. Хотя, без сомнения, именно то, что я тоже эмпат, не позволило воздействовать на меня в полной мере.

Касание его магии было невесомым, едва осязаемым. Возможно, я даже не должна была догадаться о влиянии.

Я заставила себя успокоиться и отвести взгляд от учителя, посмотреть на других наставников — двое темных сидели порознь друг от друга.

Одну из них — женщину со светлыми волнистыми волосами, едва достигающими плеч, — я узнала. Алый тонкий шрам на ее лице был изогнут, точно серп луны. Он ничуть не потерял свой насыщенный цвет, несмотря на то, что с последней встречи прошло больше двух лет. Именно она оказалась одной из тех, кто пришел ко мне во время происшествия у озера Спокойствия. Теневая была опытным воином. И, что особенно важно, она была внимательной и наблюдательной.

Агата Бланшар. Я узнала ее имя от наставников, которые инструктировали нас перед походом в Турис. Остальные даэвы-воины были мужчинами, поэтому было несложно догадаться, что именно ей принадлежало это имя.

Ее меч, лежавший на соседнем стуле, напоминал огромный кинжал. Узкое острие становилось все шире к гарде. Оружие было специфичным и на первый взгляд выглядело неудобным. Но не стоило обманываться. Она прекрасно с ним управлялась. Чем больше монстров убивали оружием, тем острее оно становилось, а ее лезвие стало таким острым, что даже ножны страдали, — по краям, у устья, материал оказался слегка распорот.

Теневая дэва подняла взор, будто почувствовав мое внимание. Наши взгляды встретились, и меня словно окатило холодной водой.

Сдержанное любопытство. Загадочный блеск в темных глазах.

Она узнала меня. А я невозмутимо отвела взор, но лишь для того, чтобы напоследок взглянуть на Лоуза.

Случившееся пошатнуло мое доверие и заставило задуматься.

«Мелочи, Сара. Вся истина скрыта в мелочах. Кто на кого как посмотрел, что сказал и как поступил. Лишь идиоты терпеливо дожидаются, когда их корабль пойдет ко дну, вместо того чтобы заделать брешь в корме, — любила повторять Долорес своим скрипучим голосом. — Но тебе не обязательно разбираться в чужих уловках, достаточно научиться *чувствовать* так, как другим не под силу».

Поначалу я понимала далеко не все, что она мне говорила. Скорее всего, возраст был неподходящий. Но, на удивление, даже не понимая, я все запомнила. Возможно, потому, что Долорес любила повторять одно и то же по несколько раз.

Я отвернулась от столиков наставников, заметив, что у выхода из гостиного двора уже собирались группы. В том числе и наша — Люций, лучезарно улыбаясь, о чем-то болтал с Блезом и еще несколькими теньвыми не из нашей команды.

Стоял, сложив руки на груди и склонив голову. Его черная мантия, перевязанная плетеным кожаным поясом в талии, небрежно распахнулась. На одном из рукавов виднелась вышивка черными нитями, мерцающими, будто отсветы солнца на воде. Крыло ворона. Работа была настолько искусной, что даже издали можно было разглядеть каждое отдельное перо.

Только наша группа состояла из даэвов обеих сторон. Почему-то многие восприняли это как наказание. Но я была солидарна с Айвен в том, что случившееся может пойти нам на пользу. Ведь на настоящую охоту и правда зачастую отправляются смешанным составом. Читая хроники в библиотеке Академии Снов, я заметила, что именно в таких отрядах смертность была ниже всего.

Главная причина этого — в отличии нашей магии. Без скарда, отслеживающего жертв ревенанта, можно просто потерять след твари. Без сомниума не спасти человека. Эмпат влияет на настроение всей группы, поднимая боевой дух и после успокаивая людей, что

потеряли близких. А магия мортема позволяет отвлечь монстра и атаковать на расстоянии. Каждый важен, и каждый нужен.

— Айвен, ты поела? Нам пора... — вернулась я к столику, спасая подругу от допытываний Ирис, пытавшейся выведать сведения.

Лицо Ирис вытянулось, она кинула на меня хмурый взгляд.

— Сара, желаю вам удачи, — неожиданно произнесла она, улыбнувшись своим мыслям.

— Спасибо. И тебе, — сдержанно поблагодарила я.

— Надеюсь, она поможет вам. Моя мама давно не ставила тебя мне в пример, — продолжила девушка. — Слава о твоих успехах распространилась далеко за пределы ордена Сорель. Все же занять первое место по итогам испытания в лагере у озера Спокойствия дорогого стоит. С тех пор я постоянно слышала, что должна усердно учиться, быть такой же прилежной, как ты. К сожалению, в последнее время... — Ее взгляд на миг ускользнул за мою спину. Как раз в этот момент раздался громкий смех, и я прекрасно знала, кому он принадлежал, — она перестала так говорить и писать в своих письмах. — Дэва громко вздохнула: — Беспокойся обо мне. Просит быть осмотрительной и не получать наказаний.

Айвен застыла, взирая на подругу так, будто видела перед собой кого-то другого. Кого-то ужасного. Глаза ее широко распахнулись, а радужки серо-зеленого цвета, казалось, стали гораздо ярче. Нижняя губа задрожала.

За последнюю пару недель я не впервые испытывала на себе чужое осуждение и даже злорадство, как теперь. Но меня действительно удивляло то, что каждый считал своим долгом сказать мне об этом.

— Твоя мама очень любит тебя, Ирис. Этому можно позавидовать. Наверное, она довольна твоими успехами в учебе, поэтому перестала ставить кого-то в пример, — предположила я, глядя сверху вниз на все еще

сидящую за столом девушку, по лицу которой пробежала тень. Ее раздражение острым кинжалом кольнуло кожу. — Теперь нам правда пора. До встречи.

Я повернулась, выразительно глядя на Айвен. Нельзя было позволить, чтобы из-за пустых слов вспыхнул конфликт.

Раздумывая над событиями, которыми окрасился завтрак, я покинула гостиный двор. Совсем скоро на улицу вышли и остальные. Отовсюду слышались разговоры и споры — даэвы решали, с чего им начать поиски. Предстояло опросить жителей, собрать слухи и заглянуть к местным стражникам, что поддерживали порядок в городе.

В нашем отряде, состоящем из десяти учеников, споры были недолгими. Все сошлись во мнении, что надо разделить на группы по два-три даэва и в таком составе отправиться на поиски. В итоге получилось еще четыре мини-отряда.

Договорившись встретиться возле гостиного двора после обеда, мы вскоре разошлись. К нам с Айвен присоединился Винсент, и первым делом мы направились в другие подобные заведения, чтобы расспросить путников.

Но затея изначально оказалась обречена на провал. Местные постояльцы сжимались, скупо отвечая на вопросы, словно каждое слово стоило им серебряный или даже золотой, и старались скорее от нас отделаться.

Дошло до того, что один из владельцев заведения отозвал нас в сторону и, упорно пряча взгляд, попросил не пугать его клиентов. Его взор нервно метался из стороны в сторону. В любом ином случае я бы использовала дар, но всем эмпатам, прибывшим в Турис, запретили применять свою силу к людям. Особенно во время добывания информации. Это было сделано не только с целью осложнить задание, заставляя полагаться только на себя, но и из опасения, что молодые даэвы, плохо владеющие силой, навредят кому-то из жителей.

Когда мы вышли на улицу после очередной неудачной попытки что-то узнать, Айвен обреченно вздохнула:

— Так не пойдет. — Повернулась ко мне, бросая взгляд, полный надежды: — Сара, может, мы вдвоем с Винсентом продолжим расспрашивать?

— Хорошо, — после минуты молчания согласилась я. — Я пока схожу в библиотеку. Хочу посмотреть их собрания.

— Да, так будет лучше, — с долей облегчения заявила подруга. Улыбнулась и, схватив Винсента за рукав мантии, поспешила прочь.

Наблюдая за тем, как Айвен спешно удаляется, увлекая робкого дива за собой, я испытывала смешанные чувства.

«Эта тетя меня пугает», — невольно вспомнились слова малышки, сказанные этой ночью.

Оказалось, я пугаю не только детей. Я нахмурилась, чувствуя смутное беспокойство по этому поводу. Развернувшись и вспоминая карту Туриса, направилась вверх по улице к главной площади, на которой и располагалась древняя библиотека.

IV

САПФИРОВАЯ БУСИНА И ПРИНЦ

*Морозию называют цветком богов.
Ее сок принимает светлое и теневое
колдовство.*

«Энциклопедия 2-го уровня»
Библиотека Академии Снов

Академия Снов,
тридцать один год назад...

Сара

Дойдя до библиотеки, я несколько секунд рассматривала здание, возвышающееся над площадью. Оно полукругом опоясывало часть площади и венчало ее, будучи самой красивой и величественной постройкой в городе, точно драгоценный камень в кольце. Тяжелые серые колонны поддерживали три каменных купола. На верхушке одного из них обосновалась стая белых голубей.

Они были приручены и доставляли почту, поддерживая связь с соседними городами и столицей Феросии. На север, в Первое королевство, их не отправляли. Так повелось, что для этого использовали лишь особую разновидность воронов.

Минуя группу людей, я вплотную подошла ко входу и поднялась по крутым, местами обсыпавшимся от времени ступенькам.

Высокие, в два моих роста, двустворчатые двери соседствовали с еще одними, спрятанными за колонной. Первые из-за своей тяжести — толстое дерево по краю было покрыто металлическим ободом — предназначались для дазвов, а вторые — для людей. Эта

особенность будто намекала на различие в силе между нами.

Войдя внутрь, я попала в зал, в котором уже у входа, на вырубленных прямо в камне полках, стояли старинные фолианты. Раньше мне казалось, что на свете не существует библиотеки, способной превзойти ту, что в Академии Снов. Но, похоже, я ошибалась.

Звуки улицы мгновенно затихли и пропали. И теперь ничто, кроме моих шагов, не тревожило дремлющую усыпальницу знаний.

Миновав холл и пройдя через арку, я оказалась в еще большем помещении. Как и в первом зале, серые стены покрывали полки с книгами, но вот центр был полым, точно колодец, уходя в глубину.

Неподалеку, прямо в полу, находилась лестница, что спиралью спускалась на дно, несколько раз опоясывая окружность пропасти. В стене виднелись темнеющие проемы наподобие окон, в которых ближе к поверхности можно было разглядеть ступеньки.

Как и в Академии Снов, под зданием библиотеки раскинулось подземелье. В этом определенно угадывалось влияние ордена Хранителей.

Я подошла к самому краю бездны, вглядываясь в темноту. Веяло холодом, а дно невозможно было разглядеть — его скрывал черный туман. Древняя магия, не иначе.

«Что скрыто на дне?» — невольно задалась я вопросом.

Тьма клубилась, бурлила, а в следующий миг замирала. И это выглядело неестественно и опасно. Она была словно хищник перед прыжком.

А еще это завораживало.

Продолжая смотреть на туман, я напряглась — ко мне кто-то подкрался, воспользовавшись тем, что я отвлеклась. Он стоял прямо за спиной. Я чувствовала чужое дыхание на своей шее и запах мяты — свежий и сладкий одновременно. Мой отец не любил

аромат лаванды, но вот мяту обожал, выращивая ее возле дома.

Неожиданно было вспомнить об этом в такой вот момент.

Сердце подпрыгнуло и успокоилось, забившись в ровном ритме.

Невозможно было не узнать эмоции, что были подобны игристому вину.

— Отойди, — шепотом попросила я и сухо заметила: — Что, если бы, оступившись, я упала?

Медленно повернулась, четко отслеживая расстояние от моей обуви до пропасти — всего пара сантиметров. Ничтожно мало.

— Сара, ты думаешь, я бы позволил тебе упасть? — спросил Моран, направляя на меня открытый и спокойный взгляд. — Ты правда так считаешь?

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга — огонь и холод. Мне правда казалось, что в своих подтруниваниях Люций порою заходил слишком далеко. Но в то же время я отчетливо понимала, что нет. Не позволил бы.

На губах дива появилась простодушная улыбка.

— Не воспринимай все слишком серьезно. — Его ладонь на секунду коснулась моего плеча. — Идем. Нам надо найти библиотекаря.

Люций направился в глубину зала. Его взгляд блуждал по стенам, словно изучая каждый кусочек пространства, а потом поднялся к потолку, где виднелись своды купола из серого камня.

— Сюда, — тихо произнесла я, направляясь к арочному проходу, который скрывал залитый светом зал из белого мрамора. Солнце проникало в помещение сквозь обширный участок стеклянной крыши.

Теневой и светлый залы... Все было так очевидно.

Именно здесь мы отыскивали зрителя — мужчину средних лет в сером пиджаке и штанах. На носу у него было повидавшее виды пенсне с надколотым стеклышком, что крепилось за цепочку к кармашку.

Он сидел за столом, прямо под солнечными лучами, и покачивал головой, будто в такт неслышимой музыке. Кончик его пера порхал над бумагой.

Заметив нас, библиотекарь стукнулся коленями о крышку стола, заставив тот сотрястись и едва не опрокинув чернильницу. А потом, оставив все, кинулся к нам.

— Извините, заработался. Обновляем архивные записи. Чем могу вам помочь? — на ходу выпалил он, суетясь и между тем внимательно разглядывая нас.

Его нервозность выдавали руки — он растирал ладонь пальцами. Быстро, с силой ее сжимая.

Поздоровавшись, мы спросили о старинных трудах ордена Хранителей.

— У нас много трудов посвящено им, но большинство на древнем языке, — ответил мужчина, понемногу приходя в себя. Заметив мой взгляд, он опустил руки, в неестественно напряженной позе вытянув их вдоль туловища.

— Нас это не смущает, — идя в глубину светлого зала, вмешался Люций.

Он выглядел задумчивым и непривычно серьезным. Дива что-то беспокоило и требовало всего внимания юноши. Черная мантия посреди белого великолепия походила на разлитые чернила на снегу. А волосы мерцали серебром, являясь прямым свидетельством магии в крови дива.

— Я вас понял. Идемте, — пробормотал мужчина, направляясь к неприметным дверям.

Библиотека Туриса была правда слишком большой. Даже удивительно, что подобное место существовало вдали от главных обителей орденов. Оно сохранилось, находясь в людском городе.

Комната, в которую нас привели, выглядела гораздо скромнее, чем главные залы, — тесная, заставленная шкафами, и со стенами, обшитыми темной древесиной. Пыль вперемешку с ароматом лаванды, чьи подсохшие веточки стояли в вазах из аквамаринового

стекла, говорили о том, что помещение давно не проветривали. Было душно. Даже светлые занавески на окнах выглядели серыми. Казалось, прикоснешься — и замараешь руки.

— Это здесь. Можете осмотреться, — произнес мужчина, останавливаясь у порога.

— Вы выдаете книги? — повернувшись к зрителю, поинтересовался Люций.

— Эм-м, нет. Больше нет. — Библиотекарь опустил взгляд. — Но мы круглосуточно открыты. И порою принимаем путешественников, которые приезжают, чтобы изучить наши собрания.

— К сожалению, у нас не так много времени, — покачал головой Моран, всем своим видом выражая досаду.

Смотритель бессильно развел руками.

Я направилась к полкам, внимательным взглядом скользя по корешкам. Все труды, как и говорил библиотекарь, были на фларканском. Древние символы на переплетах поистерлись, но так глубоко въелись в кожу, что окончательно сделать их нечитаемыми мог разве что огонь. Взяв один из фолиантов, я почувствовала пыль на пальцах — она и правда была здесь повсюду.

Ценные труды хранились без должного ухода, и это огорчало.

— Вы оставите нас? — спросил див за моей спиной.

— А-а-а? — невпопад отозвался мужчина. Наверное, он о чем-то задумался.

— Мы хотели бы заняться своими поисками в одиночестве. Так легче сосредоточиться, — пояснил Люций.

Смотритель согласился, и вскоре послышался звук закрываемой двери, сопровождающийся тихим скрипом давно не смазанных петель. Но повисшее молчание не продлилось долго. И вопреки заведенному обычаю, нарушила его я.

